

МИХАИЛ СЕРЕГИН

СПЕЦНАЗ **МЧС** *Спассти и выжить!*

**ТАЙНА
ЧЕРНОГО ЯЩИКА**

The illustration depicts a dramatic rescue scene. In the foreground, a soldier in a green camouflage uniform is crouching and holding a knife, looking down at a person lying on the ground. In the background, a military helicopter is in flames and falling into the water, with a large explosion nearby. Another helicopter is visible in the distance. The scene is set on a body of water under a hazy, orange-tinted sky.

Михаил Георгиевич Серегин

Тайна черного ящика

Серия «МЧС»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177706
Тайна черного ящика: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32904-5*

Аннотация

Спасательный батискаф, потерявший управление, не самое надежное судно в штормящем море. Но именно в нем оказались капитан МЧС Ольга Николаева, генерал этого же ведомства Менделеев и пилот затонувшего пассажирского самолета. Что случилось в самолете? Какая информация записана в его «черном ящике»? Кто на самом деле эти уцелевшие люди – друзья или враги? Искать ответы на эти вопросы Ольге приходится в Иране, куда шторм выбросил батискаф. И еще ей надо вычислить провокатора, внедренного в МЧС некоей влиятельной «конторой». Дело осложняется тем, что Ольга угодила в своеобразный «черный ящик» – гарем иранского чиновника...

Содержание

Большая волна	4
Глава первая	4
Глава вторая	27
Глава третья	48
Глава четвертая	70
Глава пятая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Михаил Серегин

Тайна черного ящика

Большая волна

Глава первая

Я просто голову сломала над проблемой, которая периодически возникает в жизни каждой женщины, – что подарить мужчине, которого ты любишь и уважаешь?

Ладно бы еще речь шла об обычном пятидесятилетнем юбилее, хотя для мужчины этот возраст никак не назовешь обычным – мужчина в пятьдесят лет словно переходит какую-то черту и превращается из Героя в Мудреца, если, конечно, речь идет о настоящих мужчинах. Но моя проблема была совершенно особенная. Мужчина, которому я должна была выбрать подарок, лежал в больнице, был парализован после серьезного ранения в голову. И сколько он еще будет оставаться в таком состоянии – было неизвестно ни врачам, ни его жене, ни уж тем более – мне.

Григорий Абрамович уже больше месяца не мог двигаться – пуля задела какие-то важные нервные центры, и врачи перепробовали уже все, что знали и умели сами, все, что смог-

ли достать им друзья Григория Абрамовича, и твердо обещали, что вот-вот должен появиться результат их усилий – лечащий врач рассчитывал, что восстановится способность говорить и двигаться, но... только для верхней части тела; ноги останутся парализованными еще на неопределенное время. Ходить он сможет еще не скоро.

Я обежала все тарасовские магазины, внимательно обследовала все наши самые оживленные торговые ряды, в надежде, что неизвестная вещь, которую я ищу, сама попадется мне на глаза и я тут же ее узнаю. Однако ничего похожего не произошло. Я пыталась представить, что у меня у самой, как у Григория Абрамовича, из всех органов чувств осталось только зрение, а из всех способностей – только способность мыслить, – и никак не могла психологически войти в такое состояние, даже с моим опытом применения метода психологического резонанса. Я просто не могла представить себя неподвижной и беспомощной!

Наконец я решила отнестись к этой проблеме чисто логически – ведь ничего другого мне не оставалось. Раз Григорий Абрамович может только видеть и думать, решила я, значит, ему нужно подарить какую-нибудь картину, смотреть на которую ему было бы приятно.

И я отправилась в художественную галерею под названием «Анима», которая специализировалась главным образом на изображениях животных. Ее директором был Севка Франкенштейн, который два года учился со мной вместе на психо-

логическом, но ушел, чтобы зарабатывать себе мировое имя, рисуя собак. Несмотря на мрачную фамилию, он был добрейшим малым и со своим литературным тезкой был схож только в одном – творения и того и другого вызывали у тех, кто их видел, панический ужас.

Мировая художественная общественность так и не узнала о невспыхнувшей звезде таланта художника-анималиста Всеволода Франкенштейна. Поняв, что знаменитого художника из него не получится, Севка оставил попытки создавать художественные произведения и попробовал заняться их продажей. Пока я защищала сначала диплом, потом – диссертацию, мотаясь между делом по горячим точкам планеты в составе федеральной группы спасателей, куда меня завербовали еще на третьем курсе университета, Севка проявлял чудеса предприимчивости, сколачивая себе, как он выражался, «капиталец» на перепродаже того, что рисовали другие.

И сегодня, когда я стала командиром ФГС-1 вместо раннего Григория Абрамовича, Севка имел в Тарасове несколько магазинов и художественную галерею, вокруг которой концентрировались все анималисты Тарасова. Севка довел уже свой «капиталец» до того размера, когда деньги приобретают способность к размножению и сами начинают производить деньги, если им в этом не мешать своими коммерческими идеями, и утратил интерес к бизнесу. Он решил вновь заняться рисованием, и в небольшой мастерской, которую

сделал себе при галерее, просиживал сутками перед листом ватмана с куском угля в правой руке и бутылкой пива в левой. Я, по старой памяти, забегала к нему поболтать о пустяках и полюбопытствовать о его успехах.

Севка ценил мой интерес к его «творчеству» и отвечал мне взаимным интересом ко всему, что связано со спасателями. Он сообщал мне свое мнение о работе спасателей, в надежде услышать мое мнение о его работах.

Правда, от моего замечания по поводу того, что его галерея названа как-то неправильно, потому что «anima» – это по-латински «душа» и к анимализму не имеет никакого отношения, Севка отмахнулся, поскольку это непосредственно его творений не касалось. Выслушав меня, он спросил только, как же тогда правильно, и, секунду подумав, заявил что «animal» ему не нравится, звучит как-то не очень благозвучно. Да и кто сказал, что у животных нет души, возразил он. Мне пришлось с ним согласиться, мне тоже кажется, что у тех же любимых мною собак душа намного тоньше и чувствительнее, чем у иных людей.

К Севке я отправилась потому, что после долгих размышлений решила подарить Григорию Абрамовичу картину и повесить над его кроватью так, чтобы ему было хорошо ее видно. Мне хотелось подарить ему что-то, что выражало бы мое к нему отношение.

Я обожаю собак и уважаю собачью преданность, хотя у самой у меня никогда не было собаки. Не могу я поселить вме-

сте с собой друга, а потом оставлять его одного, когда уезжаю на спасательные работы – просить приятелей присмотреть за ним и знать, что он отчаянно тоскует в пустой квартире, пока я мотаюсь по свету.

Но собак я люблю и уважаю. Может быть, потому, что они не способны на предательство, в отличие от мужчин.

...Я побродила по выставочному залу Севкиной галереи, рассматривая медведей, лосей, кошек, ящериц, горных козлов, тигров, сайгаков, змей и даже пауков. Как нарочно, не было ни одной картины с изображением собаки!

Спросив у дежурного продавца-искусствоведа, у себя ли Всеволод Моисеевич, я поднялась на второй этаж и без стука вошла в мастерскую. Севка никогда не обижался, когда я приходила без звонка и входила без стука – он всегда рад был отдохнуть от своих творческих мучений.

– Оленька! Ты, как всегда, появляешься в самый нужный момент! – воскликнул Севка, обернувшись на звук моих шагов. – Мне отчаянно скучно, и я только что вспоминал о тебе – что-то ты долго не заходила. Забываешь потихоньку старого приятеля?

– Работа, Севыч! – развела я руками. – Только что вернулась из круиза по Каспийскому морю – Туркмения, Иран, Азербайджан...

– Отдыхала? – спросил он, протягивая мне открытую бутылку «Портера».

– Что-то вроде того, – ответила я, отхлебывая глоток из

горлышка – единственное, на что обижался добрейший Севка, – это когда отказывались поддержать компанию и выпить с ним пивка, хоть чисто символически. – Этнографией интересовалась, знаешь, персидские гаремы, азербайджанское красноречие... Коврик из Шемахи привезла с портретом их президента...

Севка посмотрел на меня недоверчиво, но не стану же я ему подробно рассказывать, как меня держали под домашним арестом в Иране на женской половине хозяина дома – лейтенанта иранской службы безопасности – и как приняли в Азербайджане за любовницу нашего Министра и подарили этот дурацкий огромный ковер с портретом ухмыляющегося президента Азербайджана!

– Я тоже решил портретами заняться, – сообщил мне Севка, предвкушая мое внимательное отношение к его бесплодным усилиям воскресить на бумаге живую природу. – Вспомнил, как я собачек рисовал.

Он поставил передо мной мольберт и, один за другим, начал ставить на него свои этюдные наброски. Я рассматривала их очень внимательно, старательно скрывая свои затруднения в определении видовой принадлежности изображаемых им животных. Севка тем временем болтал без умолку, чтобы скрыть свое смущение и естественное авторское волнение перед первым зрителем.

Я не особенно прислушивалась к его словам, но одна фраза привлекла мое внимание, и я начала вникать в смысл того,

что он говорит.

— ...поэтому идея с предсказаниями мне не особенно понравилась, — уловила я конец фразы, пропустив мимо ушей начало. — Что это он, в самом деле, какой-то Кассандрой представляется. И главное — непонятно совершенно, откуда он это все взял, все эти прогнозы? Очень неубедительно прозвучало.

— О чем ты, Сева? — спросила я. — Извини, я засмотрелась на твои работы.

— А ты не помнишь, Министр ваш интервью давал перед юбилеем вашей службы? — спросил Севка. — Ну, обещал еще всяческие беды в последнем году века? Так вот — несерьезно это как-то в его положении.

— А что он говорил-то? — спросила я, потому что тоже совершенно несерьезно отнеслась тогда к выступлению Министра, сочтя все, что он сказал, не очень-то оригинальной шуткой.

— Ну, я точно-то сейчас уже и не вспомню, — почесал Севка свой испачканный углем нос. — Если в общем — число всяческих бед, которые и до того щедро посещали российскую землю, в этом году резко возрастет. Всякие там землетрясения, наводнения, пожары, обвалы, цунами даже на Камчатке где-то. Договорился до того, что метеорит из космоса пообещал — не меньше Тунгусского. Главное, непонятно — почему вдруг — как-то ни с того ни с сего? Хотя, конечно... Если приврал, то понятно — зачем. Ведь вся надежда-то тогда — на

вас, на спасателей. А он – главный Спасатель. А глядишь – и Спасителем станет...

Я с изумлением посмотрела на Севку. Он сейчас фактически повторил мою мысль, которая совершенно по другому поводу пришла мне в голову месяца два назад, причем даже почти в той же форме.

Не помню точно, в чем она заключалась, но каламбур «спасатель – спаситель» и я тогда обыгрывала... Но тогда я сама себе сказала, что это – «просто бред», и выбросила все это из головы. И вот, пожалуйста! Может быть, у этой мысли есть все же какие-то рациональные основания, раз она витает в воздухе?

– Слушай, а там у него ничего про Азербайджан не было? – спросила я, вспомнив вопросы, которые задавал мне перед тем, как подарить этот дурацкий ковер, который я не знала теперь куда деть, президент Азербайджана.

– Да там не только про Азербайджан, там про весь Кавказ было, – усмехнулся Севка. – Он им всем пообещал государственные перевороты, массовые волнения, правда – в разное время.

– То-то, я смотрю, странные какие-то они там, перепуганные, – сказала я только для того, чтобы объяснить Севке свой вопрос про Азербайджан. – Поверили, наверное, прогнозу!

Севка иронически улыбнулся.

– Ну, говори честно, – потребовал он. – Понравилось что-нибудь?

Я в замешательстве посмотрела на мольберт и вдруг увидела последний лист ватмана, который я поставила не глядя, занятая разговором.

С него на меня смотрела грустная собачья морда. Именно – грустная, хотя в глазах собаки светилась неискоренимая надежда и готовность умереть за друга. Я глазам своим не поверила. Это был просто маленький шедевр! Вопрос «Неужели это ты нарисовал?» чуть не сорвался у меня с губ, но я вовремя прикусила губу.

– Ты чего губы кусаешь? – с грубоватым смущением спросил Севка. – Что? Совсем плохо?

Я покачала головой.

– Нет, Севыч, совсем не плохо, – ответила я, – особенно вот это...

Я показала на грустную морду собаки.

– Правда? – недоверчиво спросил Севка. – Знаешь, если понравилось, я тебя прошу – возьми в подарок! И давай – без разговоров и всяких там вежливых отказов! Если тебе нравится – бери! Хотя одна моя работа будет висеть не у меня дома... Для меня это лучше всякой похвалы, честное слово...

Пока я допивала пиво, Севка разыскал деревянную рамку, вырезал из ватмана свой этюд и закрепил на рамке. Он так радовался, делая мне этот подарок, что я просто не могла отказаться, хотя и понимала, что этот этюд – его первый успех, а может быть, и последний. И тут же решила, что эту

собаку я и повешу в больнице у Григория Абрамовича. Об этом я Севке не сказала, но уверена, что, если бы стала с ним советоваться, он был бы только рад.

...Моя проблема с подарком была решена.

А в день своего юбилея Григорий Абрамович преподнес мне и всем своим друзьям сюрприз. Я обычно заходила к нему рано утром, до того как идти на работу в управление МЧС. Так собиралась сделать и в этот, наполненный пронзительным октябрьским солнцем день.

Сигнал телефона застал меня в ванной с зубной щеткой в руках.

– Алло! Кто это? – спросила я, недовольная ранним до бестактности звонком, и услышала в трубке знакомый и так давно не слышанный мной голос, с трудом выговаривающий мое имя:

– О-ля...

– Григорий Абрамович! – взвизгнула я от мгновенно охватившей меня радости, но сказать ничего больше не смогла, чувствовала – комок в горле не даст мне сказать в ответ ни слова.

– О-ля, – по слогам говорил мне Григорий Абрамович, а у меня уже и слезы по щекам ползли. – Ве-че-ром при-хо-ди...

Весь день я провела, как на иголках, не в силах дожидаться, когда я наконец увижу своего бывшего командира и учителя не с застывшим парализованным лицом, а смотрящего именно на меня, мне в глаза своим таким знакомым взгля-

дом – заботливым и укоризненным.

Эмчеэсовский красно-синий «уазик» у корпуса, в котором находилась палата Григория Абрамовича, меня несколько озадачил.

Игорек с Кавээном тоже собирались прийти, но они сказали, что зайдут позже, им нужно было оформить документы на одного странного типа, которого сняли только что с крыши тарасовского городского управления МВД. Он забрался на высоченный шпиль старинного здания, в котором располагалось управление, и требовал три бутылки пива «Балтика» четвертый номер, иначе он спрыгнет вниз. Высота там приличная, разбился бы в лепешку. Лейтенанты из управления попытались снять его сами, но мужчина начал нервничать и делать резкие движения на мокрой и скользкой после небольшого дождя крыше. Позвонили нам.

Игорек с Кавээном купили у нас в управлении «Балтику» в буфете, и мы поехали. Я думала, мне придется работать непосредственно по своей специальности – экстремального психолога: уговаривать этого шантажиста не прыгать, а слезть со шпиля, но мне не пришлось с ним даже словом обмолвиться. Все сделал Кавээн. Он поднялся на крышу к самому основанию шпиля, поговорил о чем-то с этим человеком и спустился опять к нам.

Оказалось, тот и в самом деле просто хочет пива и больше не требует ничего. Как только ему дадут спокойно выпить три бутылки на этом самом шпиле, он слезет сам, хотя Ка-

вээн совершенно не представлял, как он сможет это сделать без нашей помощи.

С помощью длинного шеста мужчине передали сначала пиво, потом открывалку, потом приняли, одну за другой, пустые бутылки – кидать их вниз он постеснялся. Потом мужчина попытался слезть сам, чуть не сорвался и испугался. Он начал кричать, совсем как небезызвестный отец Федор: «Снимите меня отсюда!»

Кавээн с третьей попытки взобрался-таки к нему и, обвязав его веревкой, спустил вниз. Врач осмотрел его и посоветовал показать специалистам из известной в Тарасове клиники профессора Тулупова, крупного специалиста по душевным болезням.

Таким образом, Игорек с Кавээном никак не могли приехать к Григорию Абрамовичу на нашем «уазике», они сейчас были заняты.

«Кто бы это мог быть?» – ломала я голову, поднимаясь на второй этаж к палате Григория Абрамовича.

Знакомый бас помог мне найти ответ прежде, чем я открыла дверь. Конечно же! Этот голос мог принадлежать только генерал-майору МЧС Менделееву, заместителю Министра, старому другу Григория Абрамовича! Тому самому Менделееву, с которым мы совсем недавно пережили немало опасных и трудных минут сначала на дне Каспийского моря, а затем в Иране, в руках лейтенанта тайной полиции Мазаранда.

Я открыла дверь палаты и остановилась, пораженная открывшейся мне картиной.

Менделеев стоял у окна и открывал бутылку шампанского, а рядом с кроватью Григория Абрамовича стоял еще один его старый товарищ, тоже из Первых Спасателей, с которых вообще все МЧС начиналось, – генерал Чугунков, мой непосредственный начальник, руководитель министерской контрразведки и службы внутренней безопасности. Он держал в руках пустой бокал и смотрел, как очень симпатичная женщина лет сорока пяти, склонившись над Григорием Абрамовичем и выгнув спину, словно кошка, целует его в щеку.

Я тут же поняла, что это и есть та самая Елена Вениаминовна Крупнова, начальник финансового управления нашего министерства, о которой я уже не раз слышала от Григория Абрамовича. Она тоже была в МЧС с самого начала и входила в высшее руководство нашего министерства.

Как ни странно, она первой меня заметила из всех присутствующих в палате. Оторвавшись от Григория Абрамовича, она посмотрела на меня, повернув голову немного набок, и сказала, сделав шаг мне навстречу:

– А вот и Оля, о которой я столько уже слышала восхищенных слов от моих мужчин! Здравствуй, поросль молодая, незнакомая!

Слова «от моих мужчин» меня несколько покоробили. Это она что, войну мне объявляет, сразу же заявляет права на свою собственность?

Во-первых, я никогда не претендовала серьезно на этих мужчин, хотя испытываю к ним иногда вполне определенные чувства, нечто вроде психологической близости. Но это только высоко характеризует их мужские качества, и не больше того. А во-вторых, если не помнишь точно, как у Пушкина сказано, лучше вообще не цитировать.

А слово «поросль» вообще мне слух резануло. Это я, что ли, «поросль» какая-то? Я, между прочим, конкретная живая женщина, а не абстрактная поросль! Терпеть не могу, когда меня вот так обобщают и растворяют в общей безликой массе.

– Здравствуйте, ребята! – произнесла я «дедморозовскую» фразу, а эти седоватые уже мужики и впрямь начали суетиться вокруг меня, как пацаны.

Меня усадили на стул рядом с Григорием Абрамовичем, вручили бокал с шампанским, и Чугунков сказал, что, используя служебное положение в личных целях, приказывает мне сейчас же, при них, поздравить Григория Абрамовича, а также достать свой подарок и вручить его юбиляру. Все внимание было приковано теперь ко мне, Крупнова сразу же отошла на второй, даже третий, план.

– Не знаю, Григорий Абрамович, – сказала я, – какие слова сказать, чтобы вы поняли, как я вас люблю... Скажу только, что, если бы вы предложили мне выйти за вас замуж, я бы согласилась.

Тут я вздохнула и продолжила:

– Но я точно знаю, что вы никогда этого не сделаете, и потому мне грустно. Совсем как вот этой собаке, ждущей друга.

С этими словами я достала из пакета рамку с Севкиным рисунком, молоток и гвоздь.

– Смотри-ка, – пробасил Менделеев, – как похожа на Гришу!

Он имел в виду, конечно, собаку на Севкином рисунке, а не меня. Я пригляделась к собачьей морде и с удивлением обнаружила, что она и впрямь очень похожа на Григория Абрамовича.

Смущенная, я поправила одеяло на его груди и, погладив по его шершавой щеке, сказала:

– А я очень люблю собак.

Григорий Абрамович хотел что-то сказать, но губы его слушались еще плохо, и он только посмотрел на меня грустным взглядом, отчего стал очень похож на нарисованный Севкой «портрет» пса.

– Ну, знаете, сравнивать Гришу с какой-то дворнягой! – слишком громко, чтобы не быть услышанной другими, пробормотала, как бы «про себя», Крупнова.

Менделеев тут же подхватил ее под руку и отвел к окну, что-то рокоча вполголоса своим басом, а меня взял за локоть Чугунков и тоже заставил сделать пару шагов, но в другую сторону от Григория Абрамовича.

«Как боксеров на ринге развели!» – фыркнула я про себя.

– Не хочу, чтобы Гриша слышал наш с тобой разговор, – сказал мне Константин Иванович и посмотрел мне в глаза очень внимательно и пристально. – Надеюсь, ты умеешь собираться быстро?

– Конечно! – ответила я ему, не отводя взгляда. – Особенно – с мыслями.

– И с мыслями придется собраться, – усмехнулся Чугунков, – но уже по дороге. Сегодня вылетаешь со мной в Южно-Курильск.

Я открыла было рот, но он даже не дал задать мне вопрос, сразу ответил, догадавшись, о чем я хотела его спросить:

– Твои ребята улетят на два часа позже, их заберет московская группа, им придется садиться в Тарасове на дозаправку.

Я почему-то сразу вспомнила Севкину фразу: «...цунами на Камчатке где-то...» и спросила:

– А дальше куда? На Камчатку?

– Почему на Камчатку? – удивился Константин Иванович и продолжил как-то странно: – Если бы на Камчатку! А то ведь на Южные Курилы! Вот в чем фокус! Основной удар большой волны принял Шикотан, Южно-Курильск почти не пострадал, до Итурупа только отголоски докатились, а вот японцев слегка зацепило. Но только слегка. Сильных разрушений тоже нет. Японский порт Немуро не пострадал совсем. Досталось только нескольким поселкам на северном конце острова Хоккайдо.

– А что случилось-то? – решила я все-таки уточнить, хотя и догадалась уже, что речь идет именно о том стихийном бедствии, которое предсказал пару месяцев назад наш Министр.

– Как что? – переспросил Чугунков. – В Крабозаводском на Шикотане смыло вообще все постройки, суда все разбросало по острову, кое-где волна даже через остров перемахнула.

– Сколько погибших? – спросила я.

– Данных нет, – ответил Константин Иванович. – Сейчас уточняют. Там уже работают группы из Владивостока и Хабаровска. Может быть, и читинцы уже подтянулись. За ними новосибирцы подъедут, а затем уже москвичи. Но нам нужно раньше туда попасть. У меня есть задание для тебя... Не все просто с этим цунами... Наш самолет... – он посмотрел на часы — ...через сорок минут. Я отсюда – прямо на аэродром. Тебя могу домой забросить и подождать, если ты за десять минут успеешь собраться.

Я прикинула, что на то, чтобы принять душ и переодеться, мне десяти минут хватит вполне. А что мне долго-то собираться? Прощаться не с кем, только со своей пустой после ухода Сергея квартирой да с соседями по лестничной площадке, старушками-пенсионерками..

– Договорились! – кивнула я. – Значит, минут двадцать мы еще здесь с Григорием Абрамовичем вполне можем посидеть?

– Мочь-то можем, – сказал как-то неуверенно Чугунков. – Только я тебя прошу... Не цепляйся ты к Лене. Глупо это. Она же Гришку знает с детства. Мы вдвоем в одном дворе росли...

Что-то не понравилось мне в этой просьбе Чугункова. Он словно извинялся за Крупнову, а мне было непонятно, почему он-то извиняется, при чем он тут вообще? Дружья детства! В одном дворе росли! На одном горшке сидели! Так и будете теперь за ней этот горшок носить?

– Ладно, дядя Костя! – сказала я. – Не трону я твою подружку детства.

– Вот и ладненько! – обрадованно сказал Чугунков. – Вот и договорились! Я и не сомневался, что ты человек миролюбивый и по пустякам ни на кого нападать не будешь!

Не знаю, что уж там говорил Крупновой Менделеев, наверное, тоже пытался отвлечь ее внимание от меня, но она вдруг воскликнула:

– Господи! Гриша! Я же совсем забыла! Министр тебе письмо прислал!

Крупнова подошла к постели Григория Абрамовича и начала рыться в своей сумочке.

– Вот! – сказала она, достав из сумочки аудиокассету. – Он просил извиниться перед тобой. Никак не может вырваться, даже на пару часов. Он все здесь записал. Поставить? Или ты один потом послушаешь?

Григорий Абрамович с трудом приподнял руку и сделал

движение, словно собирался махнуть ей, но сил ему на это, кажется, не хватило.

— Вклю-чай... — сказал он.

Крупнова сунула кассету в магнитофон, стоявший на окне, и перенесла его на тумбочку, поближе к кровати.

— Ну, так включать? — спросила она у Григория Абрамовича, выразительно посмотрев при этом в мою сторону, словно говоря: «Ты при ней будешь слушать письмо друга? Не знаю, не знаю...»

Григорий Абрамович только молча опустил веки, разрешая включить, но мне показалось, что я уловила все же на его лице тень раздражения. Или мне просто очень хотелось ее увидеть?

Крупнова щелкнула клавишей магнитофона.

Раздалось какое-то шипение, затем негромкое покашливание, потом я услышала очень ровный, спокойный голос твердо уверенного в себе человека.

Для меня вообще очень большое значение имеют интонации, звучащие в голосе человека. По ним иногда можно понять гораздо больше, чем по словам, которые он произносит. Так просто сказать слово, наполненное ложью, но так трудно при этом избежать искусственности в голосе.

Слушая голос Министра, я ловила себя на том, что не могу упрекнуть его в неискренности. Я совершенно не знаю этого человека, но тому, что я слышала, я верила. Не могла почему-то не верить.

– Привет, Гриша! – раздалось из магнитофона. – Я не буду извиняться за то, что не приехал. Мы с тобой мужики и знаем, что, если не смог что-то сделать, значит, только ты в этом и виноват... Ну, ничего, увидимся, тогда ты и посмотришь на меня как на свинью. А потом хлопнем по полстакана и забудем обиды? Верно? Всякое у нас бывало, переживем и это... Жду тебя, как только сможешь, у себя. Сам знаешь, о чем я. Кроме тебя, никому это дело доверить не смогу. Тут нужен человек, которому я верю, надежный. Скорее давай выкарабкивайся. Дело закручивается большое. Да, можно сказать, закрутилось уже. Я уже вылез в центр внимания. Начало сбываться. Назад теперь не нырнешь, в тине не спрячешься. Вам же в глаза смотреть стыдно будет. Я долго думал, прежде чем идти на такое...

Крупнова обеспокоенно заерзала, закрутила головой на Менделеева с Чугунковым. Я очень хорошо поняла, что она хочет сказать.

Можно ли, мол, этой наглой девчонке слушать, что говорит Министр о своих планах? С какой стати вы все ей доверяете? Но Чугунков-то с Менделеевым знали – с какой стати. И, конечно, молчали. Они давно уже считали меня в своей команде.

«Что? – подумала я злорадно. – Съела?»

– А потом понял, – продолжал Министр, – что мы, Гриша, выросли. Это в спасателей мы все еще только играли, как пацаны во дворе, только двором вся страна стала. А теперь

выросли – и мы с тобой, и Колька с Костей. Даже Ленка и та повзрослела. Она, кстати, может быть, даже раньше нас повзрослела...

«Хорошенький комплимент женщине!» – подумала я и посмотрела на Крупнову иронически. Ей тоже, кажется, слова Министра не очень по душе пришлись.

– И то, что нам с вами надо сделать, – продолжал голос Министра, – это уже не игра. Это вполне взрослая жизнь. И законы у нее совсем не похожи на наш с вами неписанный Кодекс Первых Спасателей. Я иногда сомневаюсь, можно ли эту жизнь, эту страну сделать такой, как мы с вами хотим... Плохо мне от этого становится. Понимаю, что, если буду сомневаться, ни черта у меня не получится... Обязательно нарвусь на какую-нибудь предательскую подножку и разобью морду об асфальт. Ведь политика такая вещь, в которой подножка – самое безобидное из средств, которые в ходу. Но и отказаться не могу. Если откажусь – сам себя уважать перестану. И вы меня уважать не будете... Да что я, в конце-то концов! Получилось же у нас с вами – создали такую силу, как МЧС! Я горжусь, когда понимаю, что мы с вами сделать сумели! Это не многие люди в России понимают. Это – будущее, и создано оно – нашими руками... От этого и рождается у меня надежда! И еще от того, что твердо знаю – вы всегда будете рядом, что бы ни случилось! И ты, и Костя с Колей, и Леночка... Вам верю, как самому себе!

Крупнова посмотрела на меня торжествующе.

«Дура!» – подумала я раздраженно и отвернулась, чтобы ее не видеть.

– Короче, Гриша! – Голос Министра, как мне показалось, наполнился какой-то энергией, которая требовала ответной энергии и заставляла что-то немедленно делать. – Времени нет долго болеть. Вставай! Я тебя жду! Дело ждет! Вспомни, как мы себя пересиливали, когда люди в беде оказывались. А теперь вся Россия в беде! И нам с тобой ее спасать. Это – наша работа! Помни об этом...

Раздался щелчок, вслед за ним шипение, Чугунков поднялся со стула и выключил магнитофон.

– Все, Гриша! – сказал он. – Извини, меня самолет ждет. Мы с Олей тебя покидаем... Я, между прочим, тоже на тебя надеюсь. На Курилы с собой не зову...

Он улыбнулся.

– Но за советом иногда к тебе обращаться буду, имей в виду.

Я тоже встала.

– До свидания, Григорий Абрамович, – сказала я. – Не знаю, на сколько я улетаю, но надеюсь, что встречать вы меня придете на аэродром...

– Конечно, конечно, Гришенька, – тут же влезла Крупнова, – ты отлежишься и встанешь, только не торопись, не насиливай себя, а то снова что-нибудь случится... Береги себя, нам всем за тебя очень больно!

«Вот дура! – вновь подумала я с негодованием. – Разве

нужна ему сейчас твоя жалость?»

– Я позвоню, Грэг, – сказала я, вспомнив кличку, которой называли мы Григория Абрамовича между собой в группе и которую не знали его старые друзья. – Будешь на улицу выходить, бери телефон с собой...

И вышла из палаты. Последнее, что я видела, – слабую улыбку на непослушных губах Григория Абрамовича, адресованную мне.

Только мне одной.

Глава вторая

Почти всю дорогу до Южно-Курильска я проспала. Нужно было хорошо выспаться и отдохнуть впрок перед работой, которая потребует много сил и напряжения. Мне не давали заснуть письмо Министра, которое просто не шло у меня из головы, и странное задание, полученное только что от генерала Чугункова.

Я никак не могла понять, что имел в виду Министр, когда говорил о том, на что он должен решиться. Что за большое дело закрутилось и при чем вообще здесь политика и его, Министра, уважение к себе?

Что он хотел предложить Григорию Абрамовичу, это я, конечно, знала. Грэг сам мне об этом сказал. Его уговорили возглавить новое ведомство в МЧС – управление пропаганды и связи с общественностью, при нем же теперь будет и информационно-аналитический центр МЧС. Грэг согласился, но ранение помешало ему уехать в Москву и приступить к новым обязанностям.

В конце концов я решила не загружать свою голову тем, что меня непосредственно не касается, и не проявлять излишнего любопытства. У меня есть и свои дела.

И прежде всего – задание, полученное от генерала МЧС, начальника контрразведки Чугункова. Не прошло и двух месяцев с того момента, когда Грэг сообщил нашей группе, что

мы передаемся в непосредственное подчинение Чугункова и будем теперь выполнять его секретные задания, оставаясь, как и прежде, в числе федеральных спасательных групп и принимая участие в спасательных работах.

Задание, в общем-то, было с виду самым обычным – детально разобраться с причинами катастрофы. Но как разобраться, скажите на милость, если, насколько мне известно, причина цунами – подводное землетрясение, происходящее где-то в океане, на черт знает каких глубинах? Да и что в этом разбираться-то!

Я была в полнейшем недоумении, но Чугунков не захотел обсуждать со мной этот вопрос, ограничился очень формальным приказом и ушел в кабину пилотов, оставив меня наедине с моими сомнениями.

А сомнения касались прежде всего так и не решенной проблемы, от которой Чугунков то активно отмахивался, то сам предлагал ее заново обдумать.

Дело в том, что в ходе одного из заданий мне удалось получить сведения, что среди высшего руководства МЧС работает человек, связанный с Федеральной службой безопасности, с которой у МЧС давние отношения соперничества и даже борьбы, серьезно обострившиеся в последнее время. ФСБ пыталась активно дискредитировать МЧС в глазах общественности и Президента, показать нашу несостоятельность как силовой структуры и, оттеснив МЧС, захватить монополию на урегулирование чрезвычайных ситуаций.

Буквально недавно Менделеев чуть было не стал жертвой одной из таких провокаций, организованных МЧС. Не хочу преувеличивать свою роль, но мое никем из начальства не санкционированное вмешательство помогло разрушить планы ФСБ. Кстати, я тогда же убедила себя в том, что Менделеев не может быть агентом ФСБ.

Но, с другой стороны – а кто может? Грэг? Мало того, что мне трудно в это поверить, но он уже месяц лежит в больнице и никак не мог быть причастен к провокации с самолетом, упавшим в Каспийское море.

Но и Чугункова мне заподозрить столь же трудно. Его я знаю не хуже, чем Григория Абрамовича. Чугунок был моим первым инструктором в лагере спецподготовки, где я проходила сборы еще совсем зеленой студенткой-психологом, и учил меня, правда с не очень-то большим успехом, стрелять, уходить от выстрела, прятаться и преследовать, управлять всеми видами транспортных средств, в том числе и подводными, и воздушными аппаратами, разбирать завалы и выкарабкиваться из них самостоятельно, находить пищу в тайге и в пустыне, ориентироваться по звездам и по деревьям, прыгать с парашютом и без парашюта, последнее, правда, только теоретически, без практических занятий, за что ему большое спасибо...

А самое главное – от Чугункова я впервые узнала о существовании неписаного Кодекса Первых Спасателей – этой «нагорной проповеди» МЧС. Заподозрить этого человека в

предательстве? Ну, не знаю... Тогда, пожалуй, я поверю, что и Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот.

А если ни Грэг, ни Чугунков, ни Менделеев не связаны с ФСБ, кто же остается?

Сам Министр, в чем я не вижу абсолютно никакой логики, и «Леночка» Крупнова? Конечно, для меня самое удобное – заподозрить именно ее. Но я знаю, как легко ошибиться, увлекшись самой удобной для себя версией, которая на самом-то деле может не иметь к истине никакого отношения... Ну, просто не понравились мы с ней друг другу, но это же не повод, чтобы сводить с нею счеты и обвинять ее в предательстве своих друзей.

Я вновь вспомнила, как Чугунков пытался ее от меня защитить, и на меня опять накатило неприятное чувство, словно Константин Иванович Чугунков, или «майор Чугунок», как мы звали его в лагере, не имеет никакого отношения к тому генералу Чугункову, который руководит сегодня контрразведкой МЧС.

С этим неприятным чувством я и заснула.

Проснувшись я уже в Южно-Курильске. Мы с Чугунковым перешли в огромный «Ми-8» и продолжили путь уже на Шикотан на вертолете.

Судя по южно-курильскому аэропорту, тут вообще не было никакого цунами, и всю дорогу я старательно высматривала в иллюминатор, что же там внизу. Но ничего, кроме рябоватой поверхности океана, не видела.

На Шикотане мы приземлились не западном побережье этого небольшого острова на единственной уцелевшей от бедствия ровной площадке, загороженной с востока господствующей над островом невысокой горой Лысой. Ее верхушка и впрямь была голой, но вовсе не потому, что с нее снесло водой все деревья, просто, как мне объяснил водитель вездехода, предоставленного в наше распоряжение, Семен, – ветер с океана, дующий практически всю весну, все лето и всю осень, сдувает все оттуда. Я пожала плечами, хотя и не очень-то поверила его словам.

Семен привез нас в Крабозаводское, вернее, на то место, где оно раньше находилось...

В поселке не осталось ни одного целого здания. Корпуса консервного завода, стоящего на самом берегу Тихого океана, угадывались по фундаментам зданий и редким завалам кирпичей. Кругом торчали какие-то обрывки и обрезки труб, создающие непроходимый лабиринт.

Меня поразило отсутствие завалов, которые я ожидала увидеть. Я помнила землетрясение в афганском Файдабаде и ждала чего-нибудь подобного, но от завода оставалось впечатление, что его просто срезали с берега какими-то огромными тупыми ножницами, которые не резали металл, а только рвали его.

Мы с Чугунковым походили по берегу океана, тихо воровавшегося на всем необозримом горизонте с востока, и решили не смотреть на жилые кварталы поселка. Там уже ра-

ботали спасатели. Самое общее представление о силе, обрушившейся на остров, мы уже получили.

Чугунков приказал Семену ехать в штаб спасательных работ, расположенный в огромной палатке, поставленной на окраине поселка. Шел ровный, просто какой-то нескончаемый дождь, вездеход пробирался между лужами воды, больше похожими на небольшие озера.

– Смотри, Ольга, – сказал мне Семен, указывая рукой на какое-то животное, плавающее в луже воды размером с хорошую городскую площадь.

– Кто это? – спросила я с удивлением.

– Котик, наверное, – пожал плечами Семен. – Да это ладно... Говорят, на склоне Лысой кита нашли. Сейчас его вертолетом цепляют, чтобы в воду выпустить. А куда его еще-то девать? Завода нет больше. Китобоев тоже на берег повыбрасывало...

– Китобоев? – переспросила я.

– Да сама сейчас увидишь, – ответил Семен.

Мы проехали через поселок, где жили рабочие завода. Здесь завалы были побольше, дома прикрыли собой корпуса завода, и волна шла уже не ножом, а какой-то тупой кувалдой, по крайней мере, такое впечатление производили стены одинаково разрушенных жилых зданий. С восточной стороны торчали обломанные стены с совершенно голой землей перед ними, а с западной у каждой стены виднелся завал, идущий почти вровень с ней.

Спасатели в красных и голубых куртках растаскивали обломки стен, трубы, доски. Уже работали два небольших подъемных крана, осторожно поднимавших крупные железобетонные и металлические балки.

Штабная палатка стояла на пологом склоне небольшого холма, на котором красовались обломки деревьев и торчащие вверх, метра на полтора, пеньки сосен со свежими мокрыми сломками стволов.

Метрах в тридцати от палатки прямо на склоне холма красовался внушительных размеров катер, завалившийся на один бок и упиравшийся бортом в пеньки. На его носу я увидела гарпунную пушку, укрепленную на вынесенной над носом вперед металлической конструкции.

«Китобой, – поняла я, прикидывая, сколько веса будет в этом судне. – Ни фиги себе...»

Мутная, парализующая мысль о слепой природной силе, сметающей на своем пути абсолютно все возведенное ничтожными по сравнению с ней людьми, мелькнула у меня в голове, но я тотчас ее отогнала. Нужно работать, а не размышлять о превосходстве природы над человеком. Об этом еще в Кодексе Первых Спасателей говорится: «Природа сильнее, но человек – упорней!»

Едва появившись в палатке, Чугунков произвел переполох, так как был первым членом государственной комиссии по ликвидации последствий стихийного бедствия, появившимся на острове. Он тут же устроил совещание и заставил

меня присутствовать на нем. Впрочем, я об этом не пожалела, поскольку мне тоже необходимо было знать картину произошедшего во всех подробностях.

Первым все порывался высказаться начальник Крабозаводского районного отдела внутренних дел, который очень напомнил мне участкового из фильма «Хозяин тайги» – та же живая непосредственность и наивная уверенность, что его работа – самая важная. Чугунков рот ему заткнул и жестом посадил на место – в палатке успели соорудить к приезду начальства лавки и столы, за которыми и расположились все начальники служб и отрядов спасателей.

Чугунков поднял геофизика из Владивостока, долговязого очкарика с рыжей бородой, штормовка на котором висела мешком и вообще казалась вещью инородной. Голос у него оказался слишком слабым для того, чтобы владеть палаточной аудиторией, и она скоро начала потихоньку шуметь – каждому было чем поделиться с соседом. Мне приходилось напрягать слух, чтобы расслышать подробности, и в конце концов я перебралась поближе к очкарику. Он говорил о причинах стихийного бедствия, а это меня очень интересовало.

– Как известно, вдоль Курильских островов, – начал геофизик, – проходит западный край ложа Тихого океана. Земная кора океанического типа сменяется здесь континентальной, и это самая сейсмически активная полоса на земном шаре. На окраинах Тихого океана выделяется девяносто про-

центов суммарной энергии землетрясений, происходящих на земле. Если, например, в молодом горном районе на материке Евразия, на Памире, землетрясения происходят примерно раз в месяц, то в прибрежных зонах Тихого океана землетрясения происходят по несколько раз в день...

– Молодой человек, – перебил его Чугунков, чем вызвал, между прочим, мое раздражение, потому что все, что говорил очкарик, имело непосредственное отношение к заданию, которое дал мне тот же Чугунков, – не устраивайте нам тут учебную лекцию о землетрясениях. Мы не в университете. Ближе к делу...

– Хорошо, – пожал тот плечами. – Я только хотел сказать, что землетрясения в этом районе – вещь обычная, а вот цунами случаются достаточно редко, такой силы, как вчерашнее, – очень редко. Все зависит от расположения очага землетрясения, от его интенсивности и рельефа дна... Наша владивостокская сейсмическая станция зарегистрировала усиление сейсмической активности вчера в пятнадцать тридцать. За час результаты были обработаны, подтверждены новыми наблюдениями, и по прогнозу выходило, что возможность возникновения мощного цунами превышает семьдесят процентов. Это очень высокая вероятность цунами. Мы сразу же послали предупреждение в Южно-Курильск. Затем, когда детально просчитали направление волны, сообщили, что волна пройдет точно по острову Шикотан. Из-за того, что очаг землетрясения находится в Курило-Камчат-

ском океаническом желобе на глубине восемь с половиной километров и сейсмическая волна поднимается к поверхности, отражаясь от стенок желоба, на выходе она имеет сегментарное строение. Другими словами, сейсмический удар по приповерхностной массе воды, который и вызвал цунами, имел очень короткий, почти точечный фронт, что и вызвало волну достаточно непродолжительной фронтальной протяженности. Но в силу тех же самых причин – весьма интенсивную по амплитуде...

Чугунков вздохнул и поднял руку, призывая публику к тишине.

– Я понимаю, – сказал он, – что все хотят высказаться, разойтись по своим отрядам и заняться делом. А вот молодой человек, – он показал рукой на очкастого геофизика, – этого не понимает. Я переведу то, что он сказал, на обычный язык. Волна была очень высокой, но длиной – всего чуть больше побережья острова Шикотан. Поэтому, кроме этого острова, не пострадал почти ни один. Слегка зацепило южным краем волны самую восточную часть японского острова Хоккайдо. Расположенный западнее Шикотана остров Итуруп фактически не пострадал, так как волна израсходовала почти всю энергию, налетев на Шикотан. Ее подводная часть разбилась об основание Шикотана, а надводный вал истощился без подпитывающей его подводной части...

Генерал замолчал и сказал геофизику:

– Продолжайте, пожалуйста, но попроще и только по су-

шеству.

Геофизик пожал плечами и продолжил:

– Предупреждение, таким образом, было передано за четыре часа до расчетного прохождения цунами через остров. Наша служба обработала материалы в нормативное время, передала сигнал предусмотренным инструкцией способом, вряд ли к нам могут быть какие-то претензии. Тем более что мы давали долгосрочный прогноз еще за...

– Достаточно! – перебил его Чугунков и не дал договорить.

Мне показалось, он сделал это нарочно, чтобы заткнуть рот геофизику. Чугунков явно поспешил его остановить, он не хотел, чтобы все слышали то, что геофизик собирался сказать о долгосрочном прогнозе.

«Надо будет непременно встретиться с этим долговязым! – подумала я. – Мне кажется, у него я смогу узнать немало из того, что меня интересует».

Чугунков тем временем поднял главу местной администрации, широкого, коренастого мужчину с пышными усами и лысой головой. Он был мрачен и неразговорчив. Видно, случившееся сильно его потрясло. Все, чем он управлял, было фактически разрушено.

Лысый сообщил, что предупреждение из Южно-Курильска было получено за три часа пятьдесят минут до прохождения волны, на острове было объявлено чрезвычайное положение и начата срочная эвакуация. Эвакуировались в ре-

кордно короткие сроки. За десять минут до прохождения волны на острове не оставалось ни одного человека. Успели даже вывезти с консервного завода часть готовой продукции.

Погибли, вернее пропали без вести – трое: двое мужчин и женщина, ушедшие в тайгу на склоны Лысой горы на охоту. Их пока на острове не обнаружили. Вероятно, их унесло в пролив между Шикотаном и Кунаширом.

Рабочие завода, бессемейные, завербованные по контракту, размещены в общежитии Южнокурильского рыбного техникума. Решается вопрос с их трудоустройством и выплатой среднего заработка за дни, оставшиеся каждому доработать по контракту. Мужчинам предложено принять участие в восстановительных работах. Из ста восьмидесяти человек рабочих-мужчин согласились тридцать. Сейчас они помогают спасателям, расчищающим завалы в жилом поселке...

Чугунков поднял руку, и все замолчали.

– Вы наверняка знаете, что в жилом поселке не оставалось ни одного человека, когда подошла волна? – спросил он жестко.

– Точно, – ответил лысый на его вопрос негромко, но очень уверенно.

– А на самой территории консервного завода?

– Я сам проверял корпуса и опечатывал двери, – ответил поселковый начальник.

– Сядьте! – сказал Чугунков и резко спросил, обращаясь ко всем собравшимся: – Руководитель спасательных работ

здесь?

– Я здесь, Константин Иванович! – недоуменно отозвался молодой мужчина в форме полковника МЧС, сидящий за столом рядом с Чугунковым, справа от него.

– Чем сейчас заняты спасатели, поступившие в ваше распоряжение? – резко спросил Чугунков.

– Завалы разбирают... – недоуменно произнес полковник и густо покраснел.

– Я отстраняю вас от руководства работами, – заявил Чугунков. – Передадите дела вашему заместителю, подполковнику Сорокину. Вы вернетесь в Москву в распоряжение главного штаба МЧС. Приказ получите в Южно-Курильске при посадке на самолет.

– Есть отправляться в Москву, – пробормотал полковник, его карьеру в МЧС можно было считать завершившейся. – Разрешите идти?

Но Чугунков уже не замечал его.

– Подполковник Сорокин! – назвал он фамилию только что назначенного нового руководителя спасательных работ, и из первого ряда поднялся пожилой полноватый мужчина с усталым лицом. – Сколько спасателей работает сейчас на Шикотане?

– Семьдесят пять человек, – ответил Сорокин. – Из них пятьдесят работают на разборе завалов в жилом поселке, десять отправлены на рекогносцировочный обход берега для определения размеров причиненного ущерба, пятнадцать

прочесывают склоны горы Лысой в поисках троих пропавших местных жителей.

– Людей с завалов немедленно снимите, – приказал ему Чугунков, – и направьте на поиски пропавших. Мы спасатели, а не восстановительная бригада. Подъемные краны оставить в распоряжении местной администрации, нашими вертолетами поможете им доставить сюда пять бульдозеров. Под завалами людей нет. Работы можно вести интенсивнее, грести все подряд, использовать бульдозеры, взрывать, наконец! И вообще – это уже не наше дело... Выполняйте.

Подполковник повернулся, чтобы выйти из палатки.

– Подождите, Сорокин, – вернул его Чугунков. – Сообщите в Южно-Курильск, чтобы самолет с московской группой спасателей заправили и вернули обратно в Москву. Здесь уже и так избыток наших людей. Мешать друг другу будем... Все, идите.

Сорокин вышел.

«Круто развернулся! – подумала я. – Только мне тоже что-то непонятно – он сам-то только сейчас узнал, что предупреждение было получено за четыре часа до цунами и что людей успели вывезти? Ему не передали информацию о приближении цунами? Никогда в это не поверю! Тогда что же это сейчас такое было? Спектакль? Но сыграно, конечно, эффектно! Не подозревала, что Чугунков такой артист... Интересно, зачем все это ему нужно?»

– Давайте теперь вы, Никаноров! – вызвал он, наконец,

измаявшегося уже окончательно начальника районного отдела милиции.

– Докладываю, товарищ генерал! – оживился тот. – На острове постоянно проживает триста пятнадцать человек. Это по данным нашего паспортного отдела. Двести десять из них – рабочие и руководители консервного завода. Семьдесят человек живут в селении нивхов на мысу Северном. Тридцать пять – на противоположном конце острова, в деревне айнов. Трое, ушедшие на охоту на гору Лысую, – нивхи. Остальных забрал на борт сухогруз «Охотник» и доставил на Сахалин. Деревню их смыло полностью. Даже следов от нее не осталось. Из Южно-Сахалинска прислали радиogramму – старики-нивхи просят привезти их обратно, на Шикотан. Я, честно говоря, не знаю, разрешать им это или не разрешать...

– Меня интересуют только трое пропавших на острове, – отрезал Чугунков. – С остальными разбирайтесь сами. Айнов вы предупреждали?

Милицейский начальник замялся:

– Тут дело такое... Предупреждение мы им передали, конечно... Женщин и детей их вывезли. Но мужчины в это время ушли в море, на котика.

– Выражайтесь точнее, майор, – сказал Чугунков. – Что значит – «в море»? В Кунаширский пролив или в сторону океана?

– В океан ушли, на восток, – ответил, потупившись, ми-

лиционер.

– Та-к! – крикнул Чугунков. – Сколько человек?

– Восемь, – ответил майор. – Шесть взрослых и два подростка.

– Что о них известно с тех пор? – спросил Чугунков мрачно.

– Ничего, – помотал головой милицейский майор. – Некого послать на их поиски...

– Как это некого, мать вашу? – взорвался Чугунков. – Срочно передайте радиogramму во Владивосток, командующему Тихоокеанским флотом. От моего имени. Просим помощи. Координаты квадратов поисков. Ответ передадите мне. Идите! Стойте! С японцами контакт установлен?

Майор пожал плечами.

– Так это – пограничники должны... – неуверенно сказал он.

– Разрешите, товарищ генерал? – поднялся человек в форме российского пограничника. – Капитан Евграфов, заместитель начальника заставы.

Чугунков посмотрел на него вопросительно.

– К нам обратились японцы с просьбой помочь в поиске группы охотников, японцев по национальности, унесенных в океан откатной волной после цунами. Я думаю, речь идет об одних и тех же людях, потому что в сообщении японских пограничников была какая-то путаница – охотники назывались то японцами, то русскими, то вообще – рыбаками. Мы

решили, что потом с этим вопросом разберемся, когда найдем их. Поиски сейчас ведутся.

– Откуда о них стало известно японцам? – спросил Чугунков.

– Они утверждают, что подобрали одного из унесенных, его заметил самолет береговой охраны и сообщил на их заставу. Сейчас в поисках участвуют пять наших катеров, восемь японских пограничных катеров и три вертолета японских спасателей.

Я видела, что Чугунков разозлен до последней степени. Наши, российские, спасатели выглядели бестолковыми и беспомощными – в их действиях не было ни элементарной логики, ни хотя бы минимальной ответственности за жизнь потерпевших бедствие людей.

– Капитан Николаева! – сказал Чугунков.

Я встала и посмотрела на него вопросительно.

– Отправитесь к пограничникам, – приказал он мне. – Разберитесь там с этими охотниками-рыбаками и унесенными в океан японцами. И учтите, Николаева, я предпочитаю, чтобы это оказались разные люди... Не хватало только, чтобы японцы сообщали нам о том, что в открытый океан унесло граждан России! И самыми последними почему-то об этом узнаем мы – спасатели!

– Разберемся, – пообещала я. – Но прежде я хотела бы...

– Вы поняли приказ, капитан Николаева? – жестко перебил меня Чугунков. – Выполняйте!

Я молча повернулась и вышла из палатки. Следом за мной выбрался капитан-пограничник. Он поглядывал на меня с интересом, уловив, видимо, некоторую неофициальность нашего с Чугунковым общения.

– Идемте, капитан, – сказал он мне. – Я получил от Чугункова жесткую «просьбу» – помочь вам в выполнении вашего задания.

«Точно выразился! – подумала я. – Просьбы у Чугункова сегодня – как приказы, а приказы – как приговоры... Что с ним? Нервный какой-то. И потом, что это за фраза: „Я предпочитаю, чтобы это оказались...“ Тут уж предпочитай – не предпочитай, как есть так и есть. Или он это специально сказал – для меня. Подсказывал – что ему доложить – независимо от того, как на самом деле? Не узнаю... я сегодня Чугункова. Неужели его так разозлили промахи этого полковника, которого он в Москву отправил?»

– Везите меня, капитан, на вашу заставу, – сказала я пограничнику, продолжая думать о Чугункове.

«Но он же должен был сам знать о том, что остров заранее готов к бедствию, что люди вывезены, – не давала мне покоя одна и та же мысль. – И не за четыре часа... Что там хотел сказать геофизик о долгосрочном прогнозе? Чугунков просто рот ему заткнул! Но если он знал обо всем этом хотя бы за несколько дней, он должен был сам проследить за всем! Чугунков не такой человек, чтобы не удостовериться, что все сделано правильно, что все готово к отражению стихии. Или,

по крайней мере, к ее встрече. И тем не менее – он не возражает, когда в район бедствия летят отряды спасателей, и только уже из Южно-Курильска отправляет их обратно... Я просто ничего не понимаю в его поведении».

Вдруг меня осенила конструктивная идея, связанная со сбором необходимой мне информации. Геофизики, подумала я, не могли не выслать в район цунами, в район этого землетрясения, своих наблюдательных отрядов или какой-нибудь срочной экспедиции. Они должны быть или здесь, на острове, или – в океане. И в том и в другом случае пограничники должны знать, где они находятся...

– Послушайте, капитан, – сказала я, забираясь в его вездеход. – Где-то здесь должна быть геофизическая экспедиция...

– А откуда это вам известно? – спокойно, но совершенно серьезно спросил он. – Они только сегодня прибыли к нам на заставу. Ждут, когда «Витязь» заберет экспедицию на борт...

– Что это за «Витязь»? – не поняла я. – Это ваш катер?

– Странно, капитан, что вы в курсе, что владивостокские геофизики находятся в районе государственной границы, – сказал пограничник, – а вот что «Витязь» уже десятки лет работает на Академию наук и институт океанографии, вам не известно...

– Вы что, все шпионов ловите, да, капитан? – спросила я. – Хотите самому себе доказать, что вы – вовсе не неудачник и

способны на большее, чем заместитель начальника заставы?

– Шпионы не только в книжках бывают, капитан, – сказал он, внимательно глядя на меня. – А насчет того, что я считаю себя неудачником, вы, пожалуй, ошиблись... Не считаю...

«А вот и не ошиблась, дорогой мой, – подумала я. – Если бы ты себя им не считал, ты не стал бы сейчас мне возражать».

– Хотите совет? – спросила я, не обращая внимания на его возражение. – Пока вы будете так агрессивно реагировать на ни в чем не повинных перед вами женщин, вы никогда не почувствуете уверенность в себе.

– А что, собственно?.. – растерялся он.

– Поймите прежде всего простую вещь, капитан, – сказала я ему. – Женщины – не враги мужчинам. Нас нужно просто любить, а не считать всех проститутками и шпионами. Вас обманула всего лишь одна женщина, но нельзя по ней судить обо всех остальных.

Он густо, как мальчишка, покраснел, и я поняла, что попала точно.

– Простите, что я учу вас, как относиться к женщинам, – сказала я, – но я устала от мужской слабости и агрессивности. Кстати, вам не надоело называть меня этим мужским званием – капитан. Что это мы с вами, как два бесполох существа, называем друг друга одним и тем же словом – «капитан»?

– Хорошо, – улыбнулся он, – давайте по фамилиям. Вы –

Николаева, я – Евграфов.

«Фамилию ты мою запомнил, а вот я твою – нет, – подумала я. – Хотя это, в общем-то, ни о чем не говорит. Но в сочетании с направленной на меня агрессивностью...»

– Я предпочитаю по именам, – ответила я. – Меня зовут Оля.

– Тогда просто называйте меня Сергеем, – рассмеялся он. – Или еще лучше – Сережей!

«А случай-то вроде бы и не клинический», – подумала я, но имя «Сергей» вдруг вынырнуло из памяти и заслонило собой и пограничника, и дождь, стучащий по крыше вездехода, и Чугункова с его странностями...

– Поехали на заставу, Евграфов! – сказала я, стараясь, чтобы он не заметил, что его имя вызвало у меня воспоминания, причинившие боль, – он-то в этом был совершенно не виноват...

Глава третья

Первым, кого я встретила на заставе, оказался человек, которого я уж никак не предполагала встретить на Шикотане, впрочем, только потому, что напрочь забыла о его существовании.

А между тем специальный корреспондент газеты «Мир катастроф» Ефим Шаблин встречался мне в районах катастроф достаточно часто, так как был, пожалуй, самым активным и легким на подъем корреспондентом в редакции не только нашей эмчеэсовской газеты, но и «Известий», с которыми тоже сотрудничал. Он не раз помогал мне достать необходимую информацию, хотя не однажды становился и причиной неожиданных неприятностей.

В общем, это была незаурядная личность в смысле привлечения к себе событий – как хороших, так и плохих. Мы с ним дружили уже немало лет, встречаясь, как правило, вот так же случайно в самых неожиданных местах, и его отношение ко мне уже давно устоялось на уровне «хороший друг» ввиду невозможности никакого другого более высокого или близкого уровня.

Встреча с Фимкой меня обрадовала прежде всего потому, что из моей головы тут же вылетели все неприятные воспоминания о Сергее, с которым я рассталась не так уж давно, чтобы не испытывать уже боли от этого. Ефим бросился мне

навстречу и затараторил:

– Ольга! Ты не представляешь, как я рад! Пошли сейчас же со мной. Я уже разведаль, где у них тут столовая, и договорился об обеде... Там такая симпатичненькая повариха! Я на нее полплетки истратил – такая аппетитная деваха. А кормить нас с тобой будут знаешь чем? Жаркое из зайчатины, соленая горбуша, крабы, рябчики...

– Фима, – остановила я его, – боюсь, если я приду с тобой, тебя отправят несолоно хлебавши...

– Да? – растеряннo спросил Фимка. – Об этом я как-то не подумал...

– Ну, что вы, Оля! – вмешался Евграфов. – Вас приглашаю я... Меню от этого будет не хуже. Даже медвежатиной угощу.

– Послушайте, Сережа! – сказала я, испытывая удовлетворение от того, что произношу это имя без малейшего душевного замирания. – Можно подумать, что ваша застава не на Шикотане находится. Или что цунами вас стороной обошло и ничего у вас не разрушено..

– Да нет же! – удивился Сергей. – Просто нас геофизики об этом цунами еще за месяц предупредили. Мы все постройки свои демонтировали и вывезли на Итуруп. Вместе со всем имуществом. А часть на катерах в океан отослали – навстречу волне.

– Как это навстречу волне? – удивилась я. – А это разве не опасно?

Евграфов улыбнулся:

– Конечно – нет! В открытом океане цунами можно и не заметить, если находишься достаточно далеко от берега. Просто поднимет тебя немного на очень пологой волне и опустит. Она только у берега задирается кверху и катится валом, все на пути сметая...

– Оленька! – не выдержал Шаблин. – Про цунами я тебе сам все расскажу. Я тут нашел такого классного парня, геофизика, он мне все объяснил про эти волны. Хочешь, тебя познакомлю?

– Конечно! – обрадовалась я. – Я сюда за этим и приехала, чтобы с геофизиками поговорить.

– А мне показалось, вы получили другой приказ от своего генерала, – сказал вполголоса Сергей. – Что-то по поводу пропавших японцев...

– Сереженька! – воскликнула я и потрепала его по щеке. – По-моему, вы ко мне просто не равнодушны? Что? С женщинами на Шикотане совсем плохо? Одна повариха? И все? Или дело все же в том, что именно я вам очень понравилась?

– Нет... – окончательно смутился капитан Евграфов. – То есть – да! То есть – нет... Поварих-то две. Но обе – замужем...

– Как это – замужем? – возмутился Фимка. – При чем здесь – замужем? Я ничего не обещал! Я на ней жениться и не собирался!

К Евграфову подбежал совсем юный лейтенант и, козырнув, доложил:

– Прибыл майор Турсунов из штаба округа.

– В самом деле? – удивился Евграфов. – Кто это еще такой? Чего он хочет?

– Он требует доставить его на катер, ведущий поиски пропавших японцев, – ответил лейтенант и, подумав, добавил. – Ругается.

– А вы что, ругаться не умеете? – спросил Евграфов. – Передайте ему, что требовать он будет у себя в штабе. А здесь – будет сидеть на берегу и ждать, когда я получу подтверждение его полномочий.

– Он уже показывал приказ, подписанный полковником Краевским! – доложил лейтенант. – Но я сказал ему, пусть засунет этот приказ себе в... – Лейтенант посмотрел на меня и сказал: —...в карман. Я не знаю никакого Краевского. Но я обещал доложить.

– Вот и я не знаю, – сказал Евграфов. – По крайней мере среди своих непосредственных начальников. Пусть сидит на берегу. В океан его не пускать. Будет проявлять излишнюю самостоятельность – погрузить в вертолет и отправить в Южно-Курильск.

Одна из фамилий, произнесенных Евграфовым, словно ножом меня резанула.

– Как ты сказал, Сережа? Краевский? – Я даже за руку пограничника схватила. – Кто это?

– Откуда я знаю? – пожал тот плечами. В штабе округа столько народа трется. Если я буду приказам каждого пол-

ковника подчиняться, у меня солдаты разбегутся все. У них же как? Штабные хотят одного, хозяйственники – другого, а служба безопасности – третьего. Так в три стороны и тянут, как в басне...

– Какая служба безопасности? – перебила я его, очень встревоженная. – ФСБ, что ли? Они в вашу систему разве входят?

– Они – в нашу? – скептически усмехнулся Евграфов. – Скорее мы – в их. Кстати, Турсунов – это и есть ФСБ!

– А Краевский? – спросила я.

– Не знаю никакого Краевского и не собираюсь подчиняться его приказам, – раздраженно ответил Евграфов. – На катер его отправь! А может быть, водолазный костюм на него надеть и сразу – на дно океанского желоба? Тут глубины подходящие. А еще лучше – к чертовой бабушке вместе со всеми его просьбами, приказами и майорами Турсуновыми! Приказывать они мне будут!..

Но я уже не слушала его ворчания. Фамилия Краевский просто выбила меня из колеи!

Я не раз сталкивалась уже с этим человеком и каждый раз попадала из-за него в серьезные переделки. Краевский был главным исполнителем всех авантур и провокаций, которые затевала ФСБ против МЧС. Это был хитрый, расчетливый, жестокий и очень опытный человек, судя по всему, с громадным опытом оперативной работы. Он неожиданно возникал на нашем пути, словно фантом какой-то, мгновенно созда-

вал угрозу, от которой нам приходилось долго и трудно отбиваться, и исчезал, прежде чем мы могли ему серьезно противостоять.

Я серьезно, отдавая себе полный отчет в своих чувствах, ненавидела этого человека. Я не сомневалась, что это по его приказу выследили в объятom пожаром подмосковном лесу Григория Абрамовича и предательски расстреляли его в упор. Грэг чудом тогда остался жив. Он неминуемо сгорел бы в надвигающейся горящей полосе леса, не найди его Кавээн и не вытащи в безопасное место...

И вот этот Краевский присылает какого-то Турсунова и, похоже, с тем же заданием, которое мне дал Чугунков. Совпадение?

Когда речь заходит о Краевском и вообще – о ФСБ, я в совпадения не верю. Опять затевается какая-то интрига против МЧС, если уже не затеялась и не разворачивается сейчас полным ходом!

А если интрига и впрямь есть, Чугунков не мог о ней не знать. Значит, оба его приказа, мне отданные, связаны именно с этой интригой. И первый – разобраться с причинами бедствия. И второй – выяснить ситуацию с пропавшими на охоте айнами.

Кстати – кто такие айны?

Черт! Молодец вообще этот Чугунков! Дал два задания, а ребят моих велел с полдороги отправить обратно – в Тарасов.

Они же летели с московской группой, вдруг вспомнила я. Да какое там – с полдороги! Они же в Южно-Курильске сядут на дозаправку. А что, если рвануть сейчас в Южно-Курильск и попытаться их вытащить из самолета? Втроем работать все же намного легче, чем в одиночку!

Не меньше минуты я обдумывала эту мысль, пока не поняла, что не смогу потратить на это несколько часов. Пока я буду мотаться по южнокурильскому аэродрому, здесь ситуация может развернуться самым неожиданным образом. Там, куда вмешался Краевский, – жди неожиданностей и неприятностей! Нет, я сейчас никак не могу покинуть остров, потерпевший бедствие...

– Так вы пойдете с нами обедать, Оля? – дернул меня за рукав капитан Евграфов, поскольку я не обращала внимания на его слова уже пару минут.

– Конечно! – сказала я. – Но с одним условием. Меня вы все же отправите на один из катеров, ведущих поиск пропавших в океане людей.

– Договорились! – улыбнулся Евграфов. – Приказ руководителя спасательных работ или просьбу председателя чрезвычайной комиссии я не смогу не выполнить. Лучше сразу самому в отставку рапорт подавать. Обязательно отправлю. Но вертолет полетит в эти квадраты только, – он посмотрел на часы, – через сорок пять минут, – уточнил он. – Времени у нас еще вполне достаточно.

...Обед был просто изумителен.

И не только, вернее даже будет сказать – не столько, из-за обилия экзотичных блюд из рыбы и морепродуктов, многие из которых я ела впервые в жизни, не только из-за приготовленной особым образом медвежатины, которую я не могла по вкусу отличить от свинины, не только из-за того, что Евграфов напропалую ухаживал за мной и мне это даже понравилось в конце концов, сколько из-за того спектакля, который нам устроил Фима Шаблин. Я давно знала его «страсть» к смазливym женским мордашкам, даже видела некоторых из его пассий, но ни разу не видела Фиму в деле.

На это стоило посмотреть. Главной темой для общения служила гастрономия. Помимо любвеобильности Фима обладал еще одним несомненным, на его взгляд, достоинством. Он был очень большим любителем хорошей кухни и искренне считал себя гурманом, может быть, и не без оснований. По крайней мере, в ресторан с ним ходить было одно удовольствие. Он всегда выбирал из меню все самое лучшее и тонко подбирал к блюдам спиртное.

Тут, на заставе, где спиртного не было, его Фиме с успехом заменила и впрямь очень симпатичная повариха, которая поглядывала на Фиму с восхищением, на Евграфова – с опаской, а на меня – с любопытством.

А Фима взвивался под самый потолок построенного утром этого дня барака, в котором расположилась столовая, и начинал с этой господствующей высоты восхвалять то, чем его и нас вместе с ним угощала смущенная повариха Окса-

на. Он сыпал французскими и немецкими названиями блюд, причем такими, о которых я, например, никогда и не слышала, но Фима не только слышал, он знал, как их приготовить, и даже рассказывал об этом Оксане, тут же признавая, что ее стряпня – не в пример лучше всех этих шедевров французского кулинарного искусства.

Так с небес знатока европейской кулинарной экзотики он постепенно спускался до уровня стоящих перед ним на столе блюд и затем расстилался в ногах у Оксаны, признавая ее мастерство и не забывая, как бы мимоходом, отметить и ее женские прелести...

Оксана, как мне показалось, уже готова была на все, и только слишком уж настороженно поглядывала на капитана Евграфова, непосредственного командира своего мужа... Он однажды за спиной у Фимки погрозил ей кулаком и этим, по-моему, уничтожил все Фимкины шансы...

Когда до вылета вертолета оставалось уже минут десять и мы встали из-за стола, я с облегчением, поскольку есть уже просто не могла, а Фимка – с сожалением, отвела Шаблина в сторонку и сказала ему:

– Фима! Только ты сможешь меня серьезно выручить! Я знаю твою способность собирать информацию и делать выводы! Ты журналист от бога, а это значит, из тебя вышел бы отличный контрразведчик! Мне нужна твоя помощь! Я сейчас должна заняться другим делом, а мне нужно срочно выяснить – что стало причиной возникновения цунами? Толь-

ко не нужно общих фраз – землетрясение, мол, или извержение подводного вулкана... Это я все уже слышала. Нужно абсолютно точно знать, где находился эпицентр – координаты точки. Глубину дна под ней, глубину, на которой произошло землетрясение, путь сейсмической волны, вызвавшей цунами, и все остальные подробности, даже если их будет вагон и маленькая тележка! Именно подробности меня и интересуют. Детали! Ты говорил, что познакомился с очень толковым геофизиком. Я сама хотела отправиться на этот самый «Витязь», но совсем не успеваю. Сделай это для меня, Фимочка!

Фимка кивнул головой. Он не умел мне отказывать, даже если это грозило ему лишними хлопотами, а то и неприятностями. Но этот же раз просьба не представлялась ему особенно сложной.

– И еще, – добавила я, – выясни, пожалуйста, что это за долгосрочный прогноз, о котором я слышу уже третий, по моему, раз! Мне это очень важно!

Я рассталась с Фимкой в полной уверенности, что он выполнит мою просьбу. Фимка всегда рад был мне помочь, может быть, это было каким-то видом сублимации его направленной на меня сексуальной энергии? Другой-то возможности ее израсходовать именно на меня у него не было даже теоретически, я совсем не воспринимала его как мужчину, хотя и не имела ничего против дружеских с ним отношений. Совершенно бесполох, конечно. Фимка сунул мне в руку свежий номер «Мира катастроф», и мы, пригибаясь от ветра,

поспешили к вертолету, ходовой винт которого уже работал, нагоняя крупную рябь в стоящих вокруг лужах соленой океанской воды. Разговаривать в вертолете было невозможно, ларингофоном меня не снабдили, поэтому я только головой вертела, поглядывая то в один иллюминатор, то в другой. Но поскольку ничего, кроме серой поверхности океана, рябой от поднятых ветром волн, я увидеть так и не смогла, мне пришлось успокоиться и достать из кармана брезентовой штормовки газету, которую мне туда засунул Фимка Шаблин.

«Мир катастроф» – наша профессиональная газета. Появилась она совсем недавно и еще не успела себя дискредитировать, подобно другим российским изданиям, а потому пользовалась большой популярностью не только у спасателей, но и у самых широких слоев населения.

Катастрофы – вне социальных и даже национальных различий, они интересуют всех и всегда. Газета быстро шла в гору, набирая тираж и штат сотрудников.

Ефим Шаблин был в «Мире катастроф» старожилом и имел в редакции неоспоримое влияние на более молодых сотрудников, и особенно – сотрудниц. Я сама не раз присутствовала при его телефонных разговорах с какими-то секретаршами, корреспондентками и корректоршами, и каждый раз он, по моей просьбе, добивался от них, казалось бы, невозможного – нарушения режима секретности в отношении документов, хранящихся в сейфе редактора газеты, разглашения источника скандальной информации или

какого-нибудь другого нарушения журналистской этики.

Я постоянно в такие моменты испытывала недоумение — чем он все же берет? А иной раз — даже легкое сомнение в себе: что же я-то на него никак не реагирую? Может быть, со мной что-то не совсем в порядке? Но тут же отметала эту мысль — скорее уж не в порядке все эти девицы, которых коллекционирует Фима.

Я привыкла к тому, что «Мир катастроф» всегда работает оперативно и из него можно узнать очень много подробностей о том самом стихийном бедствии, на ликвидации последствий которого ты сейчас работаешь. Стоило чему-нибудь случиться, уже на следующий день выходила газета с описанием и самого бедствия и с живописными картинками о том, как на место происшествия спешат спасатели и начинают первые спасательные работы. Как редакция добывала информацию из мест, удаленных от Москвы порой на десятки тысяч километров, буквально за несколько часов, для меня, например, всегда было и сейчас остается загадкой. Но читать газету всегда было интересно.

Не разочаровала она меня и на этот раз. Говорю с некоторой иронией, поскольку в этом номере, вышедшем, я специально посмотрела в выходных данных время подписания в печать, через два часа после того, как через Шикотан прокатилась большая океанская волна, не было ни слова о Шикотане. О том, что на Южных Курилах случилась беда, газета сообщила, но только для того, чтобы продемонстриро-

вать точность прогноза, сделанного нашим Министром в том своем примечательном интервью.

С первой страницы на меня смотрело лицо нашего широкоскулого, не улыбочивого Министра. Его портрет занимал всю первую полосу и выглядел ни больше ни меньше как предвыборный плакат.

Да он, собственно, и был предвыборным плакатом. Потому что вся газета посвящена была исключительно нашему Министру. И, конечно же, не обошлось без тривиального каламбура, который первым приходил на ум, едва речь заходила о предреченных Министром России грядущих бедах. На первой странице он был напечатан аршинными буквами прямо под портретом не улыбающегося, но отнюдь не мрачного Министра – «Я спасу Россию от бед!». На остальных шестнадцати полосах газеты эта мысль варьировалась, так или иначе, в каждом заголовке.

Я отложила газету в сторону и посмотрела на Евграфова круглыми глазами.

– Оленька, вам плохо? – встревожился он, посмотрев на меня.

Я покачала головой и отвернулась к иллюминатору. Мне нужно было привести мысли в порядок. Хотя бы – в относительный.

Многое мне стало понятно сразу же, едва только до меня дошло, о каком таком важном деле говорил Министр в письме Григорию Абрамовичу. Ни мало ни много он собирается

участвовать в борьбе за кресло Президента России! Хороши амбиции у нашего Министра!

Я представила опять его серьезное, но удивительно спокойное лицо и подумала, что имидж выбран совершенно правильно – в сегодняшней российской жизни, когда никто не может быть уверен, что завтра – да что там завтра! – сегодня вечером не станет жертвой или стихийного бедствия, или какой-нибудь техногенной катастрофы, не превратится ни в заложника, ни в потерпевшего, ни в покойника, спокойствие и уверенность – самые главные козыри в предвыборной борьбе за симпатии избирателей.

Предложить миллионам россиян выбирать себя в президенты – это был тонкий расчет со стороны нашего Министра. За десять лет существования МЧС наше ведомство и он лично, поскольку руководил им с самого первого дня его создания, успели приобрести немалое уважение в российском народе, особенно среди тех, кто сам когда-либо становился жертвой или свидетелем трагедии и сталкивался с работой спасателей. А таких людей с каждым годом становилось все больше и больше. Их число растет пропорционально числу катастроф.

Я с удивлением подумала, что и в самом деле – последний год всякие бедствия заметно участились. Если раньше мы могли месяц просидеть без важной работы, то сейчас выезжаем на катастрофы чуть ли не каждую неделю. И тут же мне вспомнилось то самое интервью, которое я сочла неудачной

шуткой нашего Министра.

Он отнюдь не шутил, поняла я, говоря о том, что последний год века станет самым страшным годом России, если не противостоять природной и человеческой стихии. И что только решительные, энергичные действия опытных и бескорыстных спасателей могут помешать превратиться концу века в конец России.

Слова «спаситель России» сами просились на язык, несмотря на всю их тривиальность. Механизм психологического внушения был запущен. Как психолог я очень хорошо увидела его суть и сразу же поняла, что следующим этапом станет психическое заражение – традиционный прием ораторов и пропагандистов: в средствах массовой информации поднимется истерическая пропагандистская кампания в поддержку нашего Министра, и он очень скоро приобретет черты личности, которой занимаемое им место Министра просто мало, и необходимо поставить его на подобающее ему место. А такое место будет только одно – Президента России, который вот-вот должен был закончить свои полномочия и уступить свой пост кому-то другому.

Кому?

Решение этого вопроса становилось на ближайшие месяцы одной из самых важных российских проблем. И наш Министр предлагал очень оригинальный ответ на этот вопрос!

Я никогда не увлекалась политикой, предоставляя мужчинам решать вопрос о том, какой быть России и как устраи-

ивать в ней жизнь. Если женщины начнут заниматься еще и этим, зачем тогда мужики вообще нужны! И так на наши хрупкие плечи свалилось очень много за последнее столетие! Может быть, кому-то из женщин это и нравится, а я не хочу в этом участвовать!

Я, в конце концов, предпочитаю оставаться слабой женщиной. Мне слишком хорошо известно, как складывается судьба женщин сильных – мужчины от них уходят, не желая бороться за то, что им принадлежит от природы. И оставляют их, как меня оставил мой Сергей. Хотя я иногда и утешаю себя мыслью о том, что это я сама его выгнала, но легче от этого почему-то не становится...

Раз наш Министр принял такое решение, значит, посчитал, что у него хватит сил добиться такой цели. Да он сам, собственно говоря, и сказал об этом Григорию Абрамовичу, а заодно и всем нам, кто там присутствовал.

Я вдруг поняла: хочу я того или не хочу, но я уже втянута в борьбу за то, кто станет будущим Президентом России. Провокации ФСБ против МЧС вдруг обрели для меня вполне определенный смысл. Они не могут не знать о планах нашего Министра, и все их усилия направлены на то, чтобы помешать ему в достижении поставленной цели. Вопрос об агенте, работающем на них в высшем руководстве МЧС, приобретал совершенно новую окраску. Я могла утешить себя только тем, что из числа подозреваемых я могу теперь исключить самого Министра. Было бы слишком ори-

гинально устраивать провокации против самого себя. Разве что все эти провокации – тонко продуманный спектакль?

Сомнения опять заполнили мою голову. Кто же работает на ФСБ? Чугунков? Грэг? Крупнова? Или же все-таки – Министр? Но ответа у меня по-прежнему никакого не было...

Нет! Нужно подходить к этой проблеме постепенно, рассматривая действия каждого в отдельности и ища в них противоречия. Но для этого просто необходимо целое море информации, которой я просто не обладаю.

Например, откуда Министр взял все эти свои прогнозы? Разве можно предугадать или просчитать стихийные бедствия? Ведь ответ заложен уже в их названии – стихийные, случайные, непредвиденные! Как же можно их предвидеть? Это же нонсенс!

«Постой-ка, – сказала я сама себе. – Чугунков дал тебе задание разобраться с причинами катастрофы на Шикотане. Зачем? Не с той ли самой целью? Может, и он тоже хочет понять, можно ли предвидеть такие случаи и сделать вывод о прогнозах, сделанных Министром? Значит, он тоже подозревает Министра в нечестной игре? А это может означать только сотрудничество с ФСБ. Но ведь Чугунков может преследовать и противоположные цели, если, например, с ФСБ сотрудничает не Министр, а сам Чугунков. Дядя Костя – агент ФСБ? Бред какой-то...»

Но несмотря на то, что я назвала эту мысль бредом, я теперь не была уверена ни в ком, кроме Менделеева. Пси-

психологические доказательства для меня – самые убедительные. Я, можно сказать, провела самостоятельную психологическую экспертизу по своей оригинальной методике и пришла к однозначному выводу: Менделеев не может сотрудничать с ФСБ, это противоречит реальным психологическим фактам.

В отношении ни одного из остальных я этого сказать не могла.

«Достаточно ломать голову над неразрешимыми пока загадками, – сказала я самой себе. – Нужно четко определить для себя задачи и собирать информацию, которая позволит сделать точный вывод, а не очередное предположение. Фимку я попросила разобраться с геофизиками, и это очень верный шаг. Но только теперь нужно смотреть на то, что ему удастся узнать с точки зрения достоверности прогноза, сделанного Министром, а не по частному вопросу, касающемуся только Шикотана. Это первое. Второе. Чугунков ведет себя как-то странно. Это достоверный факт, требующий объяснения. И пока я не пойму, зачем он послал меня разбираться с этими то ли японскими, то ли российскими охотниками-рыбаками, я не смогу двинуться дальше в своем анализе. Может быть, он хотел просто отправить меня куда-нибудь подальше, чтобы я нос не совала куда мне не положено. Например, к тем же геофизикам? А может быть, есть какая-то другая, более важная причина? Надо и в самом деле разобраться во все этом, как я пообещала генералу Чугункову.

Из задумчивости меня вывел изменившийся характер шума, создаваемого вращением винта. Я выглянула в иллюминатор и увидела, что вертолет садится на какое-то судно. В первый момент я не могла определить его размеры – большое оно или маленькое, сравнить на фоне океанской воды было не с чем. Но вертолет продолжал опускаться, судно росло и росло на моих глазах, пока не превратилось в настоящий большой корабль. А когда на его палубе я различила маленькие фигурки в военной форме, я сильно засомневалась, что это тот самый пограничный катер, на который обещал меня доставить Евграфов.

– Куда вы меня привезли? – прокричала я в ухо сидевшему рядом капитану.

Тот только успокаивающе помахал ладонью – не беспокойся, мол, все в порядке, прибыли по тому адресу, который нужен.

На авианосце Тихоокеанской военной флотилии «Стремительный», которым оказался огромный, в детальном рассмотрении, корабль, мы пробыли совсем недолго. Галантный морской офицер поцеловал мне руку, чем вызвал гримасу недовольства на лице Евграфова, и сообщил, что в квадрате 22/46-Е подобран человек в национальной одежде, привязанный ремнями к обломкам лодки. Он был без сознания. Судовой врач привел его в чувство, но говорить толком он еще не может, сказал только, что его лодку перевернула и разбила «большая волна». Поняв, что это один из тех, кого

ищут спасатели и пограничники, военные моряки связались с заставой пограничников, а оттуда их сообщение передали Евграфову, и он решил сразу же забрать потерпевшего крушение и доставить его на берег.

Я обратила внимание на слова офицера – «в национальной одежде». Ясно дело – в японской, решила я, какая же еще национальность может жить в непосредственной близости с японской границей?

Однако, когда на носилках матросы пронесли в самолет подобранного в океане человека, я сильно засомневалась, что это – японец. Это был человек уже, как мне показалось, очень зрелого возраста. Прежде всего меня смутила его совершенно белая широкая окладистая борода и такие же белые усы. Почему-то я очень плохо представляла себе японцев бородатыми.

Да и лицо у него было очень мало похоже на те лица, которые мы привыкли считать традиционно японскими, – густые темные брови, острый, выдающийся вперед прямой нос и овальные, почти европейские глаза могли бы принадлежать какому-нибудь римлянину, а не жителю Токио или Киото.

Одежда на нем и впрямь была национальной, но вовсе не кимоно, как можно было предположить, а какой-то распашной халат с узкими рукавами, на котором был вышит прямоугольный узор белыми нитками и какими-то не то стекляшками, не то камушками с отверстиями. Вместо традиционного японского оби – узкого пояса – халат был подвязан на-

борным набедренным поясом из кусочков сыромятной кожи, также отделанных каким-то прямоугольным узором. Матросы принесли длинную палку с острым крючком на конце, изготовленным, судя по всему, из кости какого-то животного. Палка, как они объяснили, была привязана к правой руке этого старика, когда его подобрали в океане.

Старик молча смотрел на нас неподвижным взглядом и не делал никаких попыток ни заговорить, ни спросить у нас что-либо.

– Кто он, японец? – спросила я у Евградова, пока мы не взлетели и двигатель работал на полуоборотах.

– Нет! – улыбнулся Евградов. – Таких, как он, в Японии очень мало, это одно из старинных племен, айны. Их в Японии всего тысяч пятнадцать-двадцать. И все почти живут напротив нас, через пролив, с японской стороны, на Хоккайдо. У нас, на Шикотане, всего одно селение было – человек тридцать. Их уже кто только не уговаривал переехать на Итуруп или на Сахалин, но они ни в какую не соглашались покидать остров. Промышляли охотой на котика, на тюленя. Китов давно перестали гарпунить, все равно на берег вытянуть не смогут, смысла нет охотиться. Люди чудные какие-то! Поклоняются океану, и хоронят их в океане. Сам, правда, не видел, но рассказывали ребята-сверхсрочники...

Вертолет взлетел. Евградов еще что-то пытался мне говорить, но я уже ничего не могла разобрать за шумом двигателя. Он махнул рукой: потом, мол.

Со стариком-айном не удалось поговорить и на заставе, куда доставил нас вертолет. Врачи сразу же оттеснили его от меня и после беглого осмотра заявили, что он сильно переохлажден, не способен адекватно реагировать на окружающее и вообще ему требуется срочная медицинская помощь, иначе может начаться жесточайший воспалительный процесс.

Я слегка поскандалила, но в конце концов отступилась, общаться с этим стариком и в самом деле оказалось бы сейчас затруднительно – он смотрел, не мигая, в пространство и на вопросы не реагировал. Мне, правда, показалось, что переохлаждение тут ни при чем, что причина в чем-то совсем другом, но в чем – я понять не могла.

Глава четвертая

Выспросив у врачей, сколько, по их мнению, времени потребуется, чтобы его привести в нормальное состояние, я поспешила на поиски Фимки, который, как мне сказали, уже вернулся от геофизиков и пропадал теперь где-то на острове.

Шаблина я нашла в жилом поселке, где всю уже трудилась тяжелая строительная техника – бульдозеры с огромными ножами, за один заход сдвигающими обломки сразу всего здания. Поселок уже был практически расчищен от обломков домов и прочего мусора. Под ногами хлюпала водой глинистая, напитанная и океанской и дождевой водой почва, кругом валялись обломки камней – от небольших, размером с кулак, до солидных глыб величиной с автомашину.

Фима снимал на пленку экскаватор, уже копающий фундамент под новое здание консервного завода, который, как выяснилось, решили восстановить в кратчайшие сроки. Я удивилась, увидев около котлована наших спасателей из Владивостока. На мой вопрос, почему они здесь, ведь Чугунков приказал снять спасателей с восстановительных работ, их старший, средних лет мужчина, кутавшийся в штормовку под морозящим нудным дождем, сплюнул в заполняющийся следом за ковшом экскаватора водой котлован и заворчал раздраженно:

– У него семь пятниц на неделе, у твоего Чугункова. Мы

по лесу ползали на горе часа четыре, а потом – всех срочно сюда, на восстановление рыбного завода. А я строителем не нанимался работать! В гробу я это видел – грязь тут месить под дождем, пусть вербуют сезонников, те и построят им все, что хочешь, хоть черта лысого!

Я оставила его у котлована и подошла к Фимке, который только что вылез из ковша экскаватора, куда забрался в поисках наиболее эффектной точки съемки.

– О! Наконец-то я тебя нашел! – нагло заявил Ефим, хватая сразу же меня за руку и таща куда-то в сторону от котлована.

Он впихнул меня в вездеход, стоящий неподалеку, и принался сразу же тараторить, как сорока.

– Оленька, я все твои просьбы выполнил! – заявил он, слегка озадачив меня множественным числом слова «просьба», я его просила, насколько мне помнится, только об одном – связаться с геофизиками и выяснить у них все, что можно, о причинах цунами и возможности его прогнозирования.

– Ты представляешь, меня там чуть не арестовали! – продолжал Фимка. – Какой-то козел с майорскими погонами и генеральскими замашками. Столкнулся со мной около палатки геофизиков, они катер с «Витязя» ждали, и начал сразу орать – кто я, видите ли, такой, да что я тут делаю, да есть ли у меня допуск в пограничную зону? Хотел мою фотокамеру отобрать, представляешь? Я его чуть не убил на месте, спасибо ему вот, оттащил меня от этого дурака, а то бы я не

знаю, что было...

Ефим показал рукой на молчаливого человека, зябко куртавшегося в штормовку, которого я в полумраке тусклого освещения вездехода сначала не заметила. К моему удивлению, им оказался тот самый очкарик, который докладывал на совещании, проводимом Чугунковым сразу после нашего прибытия на остров, и вызвал неудовольствие генерала своими чрезмерно научными речами. Он, как мне показалось, меня тоже узнал.

– Нашли своих японцев в океане? – спросил очкарик, протягивая мне руку. – Моя фамилия Финкельштейн. Самуил Моисеевич Финкельштейн, хотя чаще меня называют Семеном Михайловичем, как Буденного.

– Кого? – переспросила я.

Очкарик пожал плечами.

– Буденного, – ответил он недоуменно. – Был такой деятель... Я думал, его еще помнят.

– Ах, этот! – рассмеялась я. – Простите меня за такую реакцию! Я просто не сразу вас поняла. Дело в том, что нашего Министра тоже зовут Семен Михайлович, и это тоже кличка или прозвище, что ли... Настоящее имя у него сложнее и не очень удобное для произношения.

Я давно заметила, что, когда сообщаем людям о том факте, о котором я сейчас сказала очкарику, они как-то просто машинально спрашивают: «А как же его зовут?» Но этот, к моему удивлению, такого вопроса не задал.

– Ефим сообщил мне, что вы интересуетесь процессами образования и распространения динамического возмущения в больших массах воды, – сказал вдруг он, слегка оγο-рошив меня терминологией, сквозь которую я с трудом до-бралась до смысла того, что он хотел сказать.

«А Чугунков-то был, пожалуй, прав, – подумала я, – когда просил его разговаривать на обычном, общедоступном языке, а не читать лекции по своей геофизике».

– Вы не ошиблись, – ответила я ему тем не менее с жи-вейшим интересом. – Именно я интересовалась этой инфор-мацией. Правда, для себя я сформулировала область моего интереса несколько проще, что ли... Я хотела бы выяснить поточнее причины цунами, обрушившегося на остров Ши-котан, и возможность его раннего прогнозирования.

Пока мы говорили, Фимка крутил головой то на меня, то на него, потом тяжело вздохнул и заявил:

– Ну, третий, как говорится, лишний. Я надеюсь, вы и без меня тут прекрасно поворкуете, тем более на таком трудно-доступном для меня языке. Я как-то привык в своих матери-алах попроще выражаться, чтобы понятно было абсолютно всем...

Вылезая из вездехода, он поманил меня пальцем и, когда я высунула голову наружу, сказал извиняющимся шепотом:

– Оля, я ни черта не понял, что он там мне объяснял! Потому и приволок с собой. Он знаешь кто? Сотрудник ка-кой-то хитрой лаборатории во Владивостоке, они как раз

прогнозами занимаются. Его сюда наблюдателем послали...

– Слушай, Фима, – перебила я его. – Кто это тебя арестовать хотел? Только давай без всякой пурги, я же понимаю, что это тебя очкарик у майора отбил, а не наоборот, как ты сказал...

– Да я – ничего... – пробормотал смущенный Ефим. – Я откуда знаю, кто это такой. Он мне документы не показывал. Рожа не русская какая-то – то ли казах, то ли киргиз, черт его знает!

«Рожа нерусская должна и фамилию иметь нерусскую, – подумала я, – например, Турсунов, майор ФСБ. Час от часу не легче. Он меня словно по пятам преследует. Или, наоборот, – опередить хочет. Вот бы Фима перетрусил, если бы узнал, что его чуть ФСБ не арестовала...»

– Ладно, – пожалела я его. – Наверняка придурок какой-нибудь на тебя наехал! Просто ты ему под руку попался. Ерунда все это. Я тебе могу подсказать кое-что, для материала в газету.

По Фимкиным глазам я увидела, что он тут же сделал охотничью стойку.

– Только что на заставу привезли одного из охотников, унесенных в океан. Его подобрал авианосец «Стремительный». Сейчас у врачей на заставе, они над ним колдуют. Говорить, правда, пока не может почему-то...

Последнюю фразу я договаривала в пустоту – Фимка уже бежал к ближайшей машине. Я усмехнулась и нырнула в вез-

деход.

– Извините, Семен Михайлович, – сказала я очкастому геофизику. – Я в вашем полном распоряжении.

– Знаете, – сказал он вдруг, – я не люблю двусмысленностей. Оттого, возможно, и выражаюсь так наукообразно, но это преследует цель, чтобы мои слова нельзя было истолковать иначе, чем в соответствии с тем смыслом, который я в них вкладываю.

Я чуть не покраснела, сообразив, на что он намекает. Мою последнюю фразу и в самом деле можно было истолковать по-другому. А какое для этого нужно иметь буйное воображение! Но вместо того чтобы покраснеть – разозлилась.

«Да он же просто по носу меня щелкнул! – возмутилась я. – Никакое у него не буйное воображение. Он роли между нами распределяет! Привык, наверное, что ему в рот смотрят там, у них, в лаборатории! Кстати, что это за лаборатория такая?»

– Семен Михайлович! – сказала я ему, подавив свое раздражение, по крайней мере – внешне. – Я полностью согласна с вашей сокровенной мыслью о том, что мужчины несравненно умнее женщин и гораздо более пригодны к занятиям наукой, чем пол, им противоположный.

– Я этого не говорил, – пробормотал он, отводя глаза в сторону.

– Вы этого даже не думали! – согласилась я. – Это у вас в крови, вернее – этим вы себя утешаете...

– Что вы несете?.. – начал он, но я его перебила:

– Я несу вам истину, от которой вы старательно отворачиваетесь, чтобы не видеть самого себя таким, какой вы есть на самом деле. Дайте мне, пожалуйста, вашу руку.

Он нерешительно протянул мне левую руку, но потом вдруг резко ее отдернул и посмотрел на меня презрительно.

Я рассмеялась:

– Да нет! Я не собиралась по линиям на вашей руке читать ваш характер, я просто хотела убедиться, что вы женаты, посмотреть, есть ли у вас на пальце обручальное кольцо. Столь педантичный человек, как вы, обязательно должен носить кольцо, раз уж существует такая традиция. Я тоже не верю ни в какую мистику. Но в то, что женились вы неудачно и теперь мстите своей жене таким вот закамуфлированным скрытым образом, презирая женщин вообще и считая их существами низшими по сравнению с мужчинами, я верю. Вернее сказать – я это знаю. Вы не любите свою жену. Не любите скорее всего потому, что она не любит вас. Но признаться в этом самому себе вам страшно, а главное – стыдно, не правда ли?

Он посмотрел на меня, и я сразу же пожалела обо всем, что сказала. У него в глазах стояли слезы! Очки увеличивали их, и они казались с глазами просто несоразмерно большими.

«Скотина ты все же, Ольга! – сказала я самой себе. – Размахалась кулаками! Когда только ты сама-то перестанешь

мстить мужикам?»

Очкарик отвернулся, и мы минуты три сидели молча. Потом одновременно сказали:

– Извините...

И оба рассмеялись.

– Все! Забыли! – заявила я и увидела на его лице полную готовность пойти навстречу и поддержать это мое предложение.

– Если из двух человек один нуждается в помощи, а другой может помочь, они всегда найдут общий язык, если только не будут жестко распределять роли, – сказала я. – Если я сейчас нуждаюсь в помощи, это не значит, что через секунду мы ролями не поменяемся. Верно?

Он смущенно улыбнулся. Такие заковыристые фразы он понимал с лета. Как же нам найти для общения нечто среднее, не столь наукообразное?

– Знаете, Семен! – сказала я. – Давайте поступим самым примитивным образом. Я буду спрашивать, а вы – отвечать на мои вопросы. Если я чего-то не пойму, я вас перебыю и спрошу вновь. Я думаю, так нам удастся все же помочь друг другу.

Он кивнул, продолжая мне улыбаться.

– Первое, что меня интересует, – сказала я. – Было ли причиной только что произошедшего стихийного бедствия, которое называется цунами, подводное землетрясение?

– Несомненно, – ответил геофизик.

«Неплохо! – подумала я. – Продолжим».

– Вы можете назвать координаты точки, в которой был расположен апогей землетрясения? – задала я следующий вопрос.

Геофизик поднял глаза кверху, упершись взглядом в металлическую крышу вездехода, и, секунду подумав, четко ответил:

– Сорок три градуса пятьдесят восемь минут северной широты и сто сорок шесть градусов восточной долготы. Но эти данные очень мало информативны, так как землетрясение произошло... – Он споткнулся на этом слове. – Впрочем, оно и сейчас продолжается на глубине восемь с половиной километров в ложе Курило-Камчатского желоба. Для этого района такие явления не представляют собой ничего необычного.

– Простите? – остановила я его. – Как это – продолжается?

– Да, – ответил он. – Продолжается и сейчас. Наша сейсмическая станция регистрирует постоянные, хотя и нерегулярные, отголоски толчков силой в семь-восемь баллов по шкале Рихтера.

– Это очень сильное землетрясение, как мне кажется, – сказала я с некоторым сомнением.

– Да, – ответил он. – Если бы очаг был расположен не на столь большой глубине, оно вызвало бы целую серию идущих одна за другой волн. Но в данном случае нам не стоит опасаться, что цунами может повториться.

– Почему? – недоумевала я. – Ведь первый толчок имел катастрофические для острова последствия.

– Первый – да! – согласился геофизик. – Но в результате того же самого толчка условия прохождения сейсмической волны нарушились, изменилась конфигурация стенок желоба и, значит, условия отражения волны от них. Волна гасится где-то на глубине пяти километров в самом желобе и почти не достигает поверхности океана. Это явление довольно обычное для подобного рода землетрясений, происходящих на больших глубинах.

Признаюсь, он меня несколько озадачил. Оказывается, причины бедствия продолжают действовать! Вот и разберись с ними, как того требовал от меня Чугунков.

– Что же явилось причиной самого землетрясения, которое, как вы утверждаете, продолжается и сейчас? – спросила я.

– Это утверждают приборы, а не я, – улыбнулся геофизик. – А вот насчет причин – тут начинается область более или менее достоверных предположений. Наиболее распространенная версия – участки земной коры как бы наползают друг на друга и заставляют содрогаться многокилометровые пласты гранита или базальта. Сдвигаясь по разломам, те порождают сильнейшие землетрясения. Есть еще версия о постоянных, хотя и непериодических, колебаниях жидкого земного ядра, но это пока, скорее, из области фантастики.

– Еще один очень важный для меня вопрос, – сказала я. –

С какой точностью и за сколько времени до начала можно предсказывать подобные землетрясения?

Семен Михайлович посмотрел на меня как-то очень странно и, слегка задумавшись, пробормотал:

– В этом нет никакого особого секрета, тем более для вашего ведомства. Я думал, вы полностью владеете этой информацией.

Теперь растерялась уже я. Он на что-то намекал, а на что – я понять не могла.

– Почему вы так решили, Семен? – спросила я его напрямик.

– Да потому, что я сам, лично, передавал все данные по этому вопросу вашему представителю... – ответил он мрачно. – Что-нибудь не так с нашей информацией?

– Не знаю... – сказала я. – Кому вы ее передавали? Вы уверены, что это человек из нашего ведомства?

– Я сегодня уже разговаривал с этим человеком, – ответил он и, помолчав, добавил: – Причем при вас беседовал...

«При мне? – оторопела я. – При мне он только докладывал на совещании, которое Чугун... Ну, конечно же! Он Чугункова имеет в виду! Но если это так, то я вообще ничего не понимаю! В чем же тогда смысл задания, которое дал мне Чугунков? Чтобы я по его следу прошла? Зачем?»

– Станный у нас разговор, – сказала я. – Вместо того чтобы давать ответы на вопросы, он, наоборот – рождает новые.

– Оля! – неожиданно оживился геофизик. – У меня тоже

есть один вопрос, на который я никак не могу найти ответ. Хотя, может быть, этот вопрос меня вовсе и не касается. Но, с другой стороны, там была использована именно наша информация, в этом у меня нет ни малейших сомнений.

– Где там? – спросила я машинально, думая о своем, просто из привычки уточнять неясные мне места в любом разговоре.

– Я имею в виду – в том прогнозе, который дал по Курильскому региону ваш Министр в своем интервью, – ответил геофизик.

Я чуть не подскочила и не двинулась с места только потому, что постоянно контролировала свое поведение, чтобы не давать никакой лишней информации о себе. Это вошло у меня в привычку, ведь я прекрасно знаю, как красноречиво свидетельствует произвольная динамика тела о душевном состоянии человека.

– Вы уверены, что прогноз был составлен именно по вашим материалам? – спросила я.

– Как же я могу быть не уверен, когда Семен Михайлович...

Он посмотрел на меня и добавил:

– ...ваш Семен Михайлович сам просил нас об этом и даже организовал финансирование наших работ из бюджета МЧС? Единственно, что мне непонятно, – как могли появиться такие грубые ошибки, которые прозвучали в его прогнозе? Если это результат уже вашей министерской об-

работки полученных от нас данных, то я просто отказываюсь дальше работать над этим проектом!

– Какие ошибки, Семен Михайлович? – спросила я спокойно, но это вовсе не свидетельствовало о том, что внутри у меня все столь же спокойно, как снаружи.

– Как это – какие? – переспросил он раздраженно. – Будто вы не знаете!

– Какие ошибки? – повторила я, и невесть откуда взявшийся металл прозвучал у меня в голосе.

Он растерялся и посмотрел на меня с удивлением.

– Хорошо, – сказал он, – я напомню вам, какие ошибки, хотя и не вижу в этом никакого смысла. Мы дали абсолютно точный прогноз – и об очаге землетрясения, и о его последствиях. Наша лаборатория пользуется самыми точными датчиками, установленными на дне Курило-Камчатского желоба. Отслеживаются многомесячные пространственные перемещения реперных участков земной коры, моделируется их поведение во времени. Мы близки к тому, чтобы совместно с американскими и австралийскими учеными создать обобщенную модель поведения тихоокеанского ложа на многие годы вперед и составить просто-напросто расписание землетрясений, что позволит избежать многих совершенно ненужных и бессмысленных жертв и материальных затрат. И вот, когда я передаю вашему генералу детально точные данные о предстоящем землетрясении за месяц – вы слышите! – за месяц до его возникновения, я вдруг слышу в интервью че-

ловека, который сам мне заказывал этот прогноз, что землетрясение произойдет в районе острова Парамушир у берегов Камчатки. Я просто... У меня просто дар речи отнялся! Я не хочу больше иметь дело с этим человеком! Я не знаю, как можно было перепутать Южные Курилы с Северными! Это полнейшая безответственность! И этот человек еще имеет наглость рассчитывать стать Президентом России!

Он замолчал, но сидел, раскаленный своим негодованием, словно пустой чайник на огне.

Признаюсь, он меня озадачил. Безответственность? Нет! Это не могла быть безответственность. Это могла быть только провокация! В этом я была уже просто уверена. И кто был ее заказчиком, тоже не трудно было догадаться. Но вот кто был исполнителем? Кто сумел изменить данные на пути от лаборатории до кабинета нашего Министра настолько, что Южные Курилы превратились в Северные? В этом мне и предстояло разобраться.

– И все же, Семен, – сказала я, хоть и понимала, что мой вопрос вызовет его раздражение. – Вы уверены, что отдали генералу Чугункову абсолютно точные данные?

– Да, я уверен! – ответил он резко.

– Мне жаль, что так случилось! – сказала я и вздохнула.

На душе у меня было очень противно. Передо мной сидел человек, который добросовестно выполнил свою работу с искренним желанием помочь нам, спасателям. И мы распорядились его информацией таким образом, что навсегда

отбили у него желание с нами сотрудничать! Не могу же я ему объяснить, что где-то среди высшего руководства МЧС сидит человек, который намеренно искажил его информацию и поставил наше ведомство в глупейшую ситуацию. Особенно перед этими людьми, сотрудничество с которыми очень много для нас значит.

– Мы постараемся разобраться, каким образом землетрясение в прогнозе переползло на другой конец Курил, – пообещала я ему. – Возможно, тогда мы сможем объясниться и с вами. Пока же я могу сказать только одно – мне очень жаль, что так случилось.

На этой кислой ноте мы с очкастым геофизиком и расстались. Я уже вылезала из его вездехода, когда меня вдруг заинтересовала одна мысль. Я вновь сунула голову в вездеход и спросила:

– Простите, Семен, вы сказали, что сотрудничаете с американскими учеными... А японские геофизики с вами тоже сотрудничают?

Он скривился в усмешке.

– Японские геофизики придерживаются слишком оригинальных взглядов на процессы возникновения землетрясений, – сказал он. – В связи с этим у нас часто возникают очень напряженные отношения. Говорить о полноценном сотрудничестве в такой обстановке не приходится. Дело доходит даже до того, что нашего «Витязя» и, например, «Академика Курчатова» не пускают в их порты, когда в этом возни-

кает необходимость, а от нас утаивают, как я полагаю, значительную часть тех данных, что получает «Риофу мару».

Я кивнула головой, что поняла, а про себя подумала: «Черт возьми, что такое риофу мару?»

Однако вслух я задала более важный для себя вопрос:

– И последнее, Семен. В чем главная, на ваш взгляд, оригинальность взглядов японских ученых?

– В чем? – усмехнулся он. – Хотя бы в том, что они считают, что землетрясения в Курило-Камчатском желобе возможно вызвать искусственно...

– Как это? – удивилась я.

– Очень просто, – ответил Семен. – С помощью атомного заряда небольшой мощности можно разбалансировать равновесие участков земной коры и спровоцировать ее отдельные зоны на подвижки...

– До свидания, Семен, – пробормотала я и выдернула голову из вездехода.

Все! С меня достаточно. Я чувствовала, что перегрузилась этими абсолютно новыми для меня сведениями и возможностями. Думать я уже не могла ни о чем. Да и не хотела. Пусть информация сама уляжется в голове. Если голове не мешать, она часто может и сама выдать правильный результат, без малейшего усилия с моей стороны. Вот и пусть поработает без моего участия, решила я. А мне пора отдохнуть.

Я только сейчас заметила, что стою под звездным небом и на мою голову сверху не капает абсолютно ничего. Дождь

кончился. Я поправила отвороты на моих сапогах с очень высокими голенищами, которыми снабдил меня Евграфов, и пешком направилась к нему на заставу, обходя большие лужи и смело переходя вброд те, которые поменьше и с виду неглубокие.

Теперь меня интересовали японцы – те самые, унесенные волной в океан.

Глава пятая

Как я ни старалась освободить свою голову от только что услышанного от очкастого геофизика, одна мысль все же выплыла на поверхность и не давала мне покоя всю дорогу до заставы, которая находилась на южной оконечности острова, на самом берегу океана.

Я не могла понять, как ФСБ удалось вклиниться в столь тесную цепочку передачи информации о прогнозе: геофизики – Чугунков – Министр. Семен Финкельштейн утверждает, что передал информацию о прогнозе лично в руки генералу Чугункову. И там, в этой информации, все было абсолютно точно, и Южные Курилы стояли на своем месте, а о Северных вообще речь не шла.

Хорошо. Это означает только одно: что Чугунков располагал верной информацией и на этапе передачи ее от геофизиков искажения произойти не могло. В то же время я не сомневаюсь, что Чугунков сам передал все полученные от владивостокских геофизиков данные лично в руки Министру. Никому сделать это вместо себя он бы не доверил. Но тогда что же получается?

Получается, данные мог изменить только сам Чугунков. Или сам Министр... Ну, это только в том случае, если он клинический идиот... Нет, Министр здесь ни при чем. Тут только Чугунков, и никто другой.

Мне стало окончательно плохо. Как же так? Дядя Костя, который учил меня спасать людей и приходить на помощь попавшим в беду, – предатель? Это не укладывалось у меня в голове. Этого просто быть не могло. И в то же время факты упрямо твердили, что это – есть! И нельзя смущенно от этого отворачиваться или прятать голову в песок, словно испуганный страус.

Конечно, мои умозаключения – это еще не доказательства, нужно что-то более весомое. Иначе мне просто никто не поверит. Чугунков всегда может сказать, что получил от геофизиков искаженные данные, и тогда уже никто ни в чем не разберется. Когда нет возможности доказать точно, люди лгут без особой для себя опасности.

Кому поверят Министр, Менделеев, Григорий Абрамович – старые друзья Чугункова – ему, которого они знают с детства, или мне и какому-то очкастому геофизику? Конечно – ему! А я только отрежу себе пути дальнейших попыток работать над поисками этого агента, если подниму скандал и вылезу, не имея никаких доказательств.

Но и разрабатывать версию о Чугункове я тоже не могу, не заручившись ничьей поддержкой. Он мой непосредственный начальник. При первом подозрении, что я ищу доказательства его причастности к сотрудничеству с ФСБ, он просто отстранит меня от работы, засадит безвылазно в Тарасове, и я никогда не сумею раскрыть этой тайны.

Я просто не знала, что мне делать. Даже излюбленный мой

прием – представить, как бы поступил в этом случае Григорий Абрамович, не сработал. Я с ним уже говорила о том, что среди его близких друзей есть предатель. Не знаю, поверил ли он, но мне он ничего не ответил. Для него эта проблема, наверное, была намного сложнее, чем для меня. Он промолчал и предоставил мне право решать самой.

Правда, тогда у меня не было не только прямых доказательств, а теперь? Эта история с землетрясением, переместившимся с юга на север, красноречиво свидетельствует о причастности Чугункова к искажению данных геофизических исследований. Что сейчас сказал бы Григорий Абрамович, если бы знал об этом?

Стоп! Я же могу позвонить ему и спросить его об этом прямо. Правда... По телефону такие вещи обсуждать очень опасно, линию наверняка прослушивает ФСБ. И все же стоит попробовать. Мы с Григорием Абрамовичем всегда понимали друг друга с полуслова.

Придя на заставу и разыскав Евграфова, я потребовала у него телефон. Он привел меня в кабинет начальника заставы, уже третий день то находящегося в штабе округа, то облетающего пограничные катера, то ведущего какие-то сложные переговоры с японцами в Южно-Курильске и Немуро.

У нас на Шикотане дело близилось к рассвету, значит, в Москве была ранняя ночь, разница здесь – восемь часов. Наверняка Григорий Абрамович сейчас в палате один, и ему никто не мешает говорить со мной совершенно свободно.

Если, конечно, не учитывать «ушей» ФСБ.

Я чуть не отчаялась в своей затее, слушая ровный сигнал в телефонной трубке, свидетельствующий о том, что абонент отсутствует. Нехорошие мысли начали лезть в голову. Вдруг с Григорием Абрамовичем что-то случилось, пока мы тут на Шикотане...

Я успокаивала себя только тем, что двигался он пока еще очень плохо и, для того чтобы взять в руку телефонную трубку и поднести ее к уху, ему требовалось намного больше времени, чем здоровому человеку.

Наконец в трубке раздался легкий щелчок и знакомый глуховатый голос произнес слегка замедленно, но ровно и уверенно:

– Алло! Полковник Воротников слушает.

Его голос раздавался так четко и громко, словно он был в соседней комнате, а не на другом конце России.

– Григорий Абрамович! – воскликнула я. – Здравствуйте! Не разбудила?

«Запомни! – сказала я себе. – Никаких вопросов о здоровье и никаких просьб беречь себя! Разговаривай, как с абсолютно здоровым человеком. Здравствовать ты ему уже пожелала. Этим и должно все ограничиться».

– Нет, Оля, – сказал Грэг. – Я рад, что ты позвонила. У тебя все в порядке?

«Чувствует, – подумала я, – что у меня далеко не все в порядке...»

– Почти, Григорий Абрамович, – ответила я. – Есть небольшая проблемка. Мне очень хотелось бы услышать ваше мнение о ней.

– Какая? – спросил он.

– Все та же самая, – ответила я, внутренне злорадствуя по поводу дежурных телефонистов ФСБ, которые наверняка прослушивали наш разговор. – Из-за которой мы с вами чуть не поссорились. Я, кажется, нашла ответ, но я знаю, что вам он не понравится.

– Когда кажется – креститься нужно! – сказал Григорий Абрамович очень раздраженным голосом. – Я уже говорил тебе, что я в этом деле – не советчик. И больше даже не спрашивай меня об этом.

– Да я и не об этом, Григорий Абрамович, – поторопилась я вставить, испугавшись, что он сейчас отключится. – Я думала, что вы подскажете мне, что делать? Кроме мыслей в голове, я ничем не располагаю. Мне нужно что-то реальное. А руки у меня связаны. Вы же знаете моего начальника. Если ему станет что-либо известно... Он засунет меня в такую дыру, из которой я до пенсии не выберусь и уж точно – ничего не смогу.

Я сделала паузу. Он молчал.

– Так что вы мне посоветуете, Григорий Абрамович? – спросила я еще раз.

– Если бы я был на твоём месте, я бы бросил все это, – сказал он наконец. – Но я здесь, хотя это и не самое лучшее

место, которое я считаю для себя подходящим... Тебе нужно поговорить с Колей, он сейчас в Питере, звонил мне сегодня. Запиши его номер телефона...

Григорий Абрамович медленно продиктовал мне несколько цифр.

– С ним можно говорить более свободно, чем со мной, – сказал Грэг, явно, как я поняла, дразня операторов-телефонистов из ФСБ. – У него аппаратура получше. Расскажи все ему. Он фигура – не меньше твоего начальника. Сумеешь его убедить, значит, получишь от него приказ. Не сумеешь, заранее предупреждаю – заткни уши... А меня извини! Я не могу ничего сказать...

– Спасибо, Григорий Абрамович! – сказала я, с трудом удержавшись, чтобы не ляпнуть что-нибудь по поводу моих надежд на его быстрое выздоровление.

– Звони! – сказал он. – Я рад всегда тебя слышать, независимо ни от чего. Пока!

Он положил трубку, а я бросилась набирать диспетчера пограничной связи, чтобы тот соединил меня с Санкт-Петербургом.

Ожидая ответа диспетчера, я бросила взгляд в окно и увидела очень странную и обеспокоившую меня картину. Уже рассвело, но солнце еще не встало, и над островом стояли утренние сумерки, проясняющиеся с каждой минутой. Видно было не очень отчетливо, но я сразу же разглядела понурю фигуру Фимы Шаблина, бредущего к стоящему рядом с

заставой вездеходу под конвоем какого-то человека в форме пограничника, которого я разглядеть не сумела.

— Что за черт! — воскликнула я и, ни секунды не раздумывая, бросилась к выходу.

По пути я чуть не сшибла с ног капитана Евграфова, который шел мне навстречу с пачкой каких-то документов в руках.

— Оля! — только и успел он крикнуть, когда я оттолкнула его со своего пути. — Что с вами?

Объяснять было некогда. Я уже слышала, что мотор вездехода заработал и стал набирать обороты.

— Что у вас есть из транспорта? — бросилась я опять к Евграфову. — Быстрее! У нас ни секунды в запасе!

— Вертолет! — ответил тот машинально. — А что, собственно...

— Быстро! — крикнула я, снова устремляясь к двери. — Летим!

— Куда?! — закричал он почти возмущенно, но тем не менее бросился за мной.

Пока он включал двигатель и раскручивал винт, я сидела рядом с ним в кабине вертолета как на иголках. Единственное, что меня утешало, — солнце уже встало и видно становилось очень хорошо. С воздуха мы успеем засечь, в какую сторону повезли Шаблина. А уж догнать вездеход по воздуху — не проблема.

Евграфов поднял наконец машину в воздух, и мы сделали

небольшой круг над окрестностями заставы.

– Вон они! – закричала я, показывая на вездеход, пробиравшийся между камней к бухте, в которой стояли около берега два катера.

– Да кто они, мать твою? – не выдержал Евграфов. – Это наряд едет сменяться. Сейчас катера на патрулирование пойдут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.